

Евгений СУХОВ

Я - ВОР В ЗАКОНЕ

МЕДВЕЖАТНИК

Медвежатник

Евгений Сухов

Медвежатник

«ЭКСМО»

2001

Сухов Е. Е.

Медвежатник / Е. Е. Сухов — «Эксмо», 2001 — (Медвежатник)

ISBN 5-699-17655-1

Алая роза и записка с пожеланием удачного сыска – вот и все, что извлекают из очередного взломанного сейфа московские сыщики. Медвежатник дерзок, изобретателен и неуловим. Генерал Аристов – сам сыщик от бога – пустил по его следу своих лучших агентов. Но взломщик легко уходит из хитроумных ловушек и продолжает «щелкать» сейфы как орешки. Наконец удача улабнулась сыщикам: арестована и помещена в тюрьму возлюбленная и сообщница медвежатника. Генерал понимает, что в конце концов тюрьма – это огромный сейф. Вот здесь и будут ждать взломщика его люди.

ISBN 5-699-17655-1

© Сухов Е. Е., 2001

© Эксмо, 2001

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	31
Глава 6	36
Глава 7	42
Глава 8	49
Часть II	53
Глава 9	53
Глава 10	63
Глава 11	67
Глава 12	73
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Евгений Сухов

Медвежатник

Часть I

ТАИНСТВЕННЫЙ ЗЛОУМЫШЛЕННИК

Глава 1

Банк в Староконюшенном переулке был ограблен в канун Пасхи.

В этот вечер многолюдная толпа, накрепко запрудив улицы и переулки, двинулась к кремлевским соборам, чтобы в крестном ходе пройти по брусчатке Белого града и, сжимая в руках свечи, слаженно пропеть аллилуйя. Никто из прихожан даже не мог предположить, что тяжелая дверь сейфа была распахнута в тот самый момент, когда через царские врата выносили плащаницу Христа.

Это было седьмое ограбление за последние два месяца, и, как во всех предыдущих случаях, взломщик действовал настолько искусно, что не оставил после себя даже соринки, и если бы не знать, что произошло преступление, то можно было предположить, что сам хозяин прятал деньги вкладчиков. Замок не был даже поврежден, а на декоративном деревянном корпусе сейфа невозможно было отыскать даже царапины. И всякий раз из темного нутра сейфа извлекали алую розу и коротенькую ехидную записочку с пожеланием удачного сыска.

«Московские ведомости» с ликованием извещали о том, что из банка было похищено около двухсот тысяч рублей золотом и ассигнациями. Странность заключалась в том, что только управляющий и начальник московского сыскного отделения знали, что денег в этот час было в четыре раза больше, чем в обычные дни. Этой суммы вполне хватило бы на то, чтобыкупить все товары не только у Мюра и Мерилиза, но и на десятке московских базаров.

Газетчики язвительно писали, что теперь взломщики чувствуют себя в хранилищах банков столь же уверенно, как в собственной спальне, и без конца задавались вопросом: «А нужны ли банки вообще, если дверцы сейфов гостеприимно распахиваются, едва к ним притронется злодейская рука».

Недоумение среди московских банкиров усиливалось еще и оттого, что все сейфы были английской работы, каждый из которых изготовлен по специальному заказу. Мастера убежденно уверяли, что каждый образец сейфа эксклюзивен и что подобрать ключ к замкам так же невозможно, как великану протиснуться в ушко иголки. И вот сейчас сейфы распахивались перед грабителями с быстротой гостиничных шкатулок. Владельцы банковских домов грозились, что подадут на английскую фирму в суд, а председатель клуба банкиров, господин Алябьев, во всеуслышание заявил, что не подаст управляющему корпорации на милостыню даже пятака, когда российские финансисты разорят его дотла, и выставит на позор перед всем цивилизованным миром.

Председатель Императорского Государственного банка господин Мухин оказался более осторожным, а возможно, более дальновидным: предложил через «Ведомости» грабителям огромную премию в двести пятьдесят тысяч разового вознаграждения, если они сумеют укрепить двери его сейфов и подскажут секрет, перед которым была бы бессильна самая хитроумная отмычка.

Однако неизвестный медвежатник терпеливо хранил молчание, а департамент полиции Москвы с тревогой ожидал сообщения о новом удачном ограблении.

И оно произошло.

В этот раз вскрыли сейф Торгово-сырьевой биржи, которая соседствовала с оранжереей. Именно среди ровных, ухоженных аллей был вырыт подземный ход, который привел прямо-хонько в бронированную комнату хранилища. И теперь уже невозможно было сомневаться в том, что красные розы, найденные в выпотрошенных сейфах, доставлены заботливым «садовником» именно из уютных теплиц цветочного питомника.

Дерзкий подкоп больше напоминал насмешку грабителя, чья лукавая улыбка вызвала немыслимый переполох в московском полицейском департаменте, больше смахивающий на бестолковую возню в разоренном муравейнике. По городу пополз слухок, что сам император обратил внимание на дерзкую кражу и немедленно сделал внушение министру, пожелав, чтобы ограбление было раскрыто в ближайшие дни. И совсем нетрудно было предположить, что, пока полицейские пытались выйти на след укротителя английских сейфов, он не без удовольствия вдыхал аромат цветов в городском питомнике и с пользой для себя совершал подкоп под Торгово-сырьевую биржу.

Раскрытие преступления было поручено начальнику розыскного отделения департамента полиции Москвы генералу Григорию Васильевичу Аристову. Граф Аристов был очень крупным мужчиной, с широким разворотом плеч; удлиненное сухощавое лицо окаймляла коротенькая темная бородка. Слегка седоватые виски вовсе не старили его, скорее наоборот – подчеркивали его молодость, и сам он больше напоминал актера какого-нибудь столичного театра, чем полицейского.

Григорий Васильевич утопал в огромном кожаном кресле, его большие сильные руки, которые подошли бы тяжелоатлету, уверенно покоились на широких подлокотниках. Вся его огромная фигура выражала умиротворение и покой, но всякий, кто был знаком с Аристовым, знал, что это впечатление было обманчивым. Григорий Васильевич напоминал величественный вулкан, который много столетий накапливает силы, чтобы потом извергнуть раскаленную лаву и расплавить на своем пути любое препятствие.

Час назад Аристов имел нелिцеприятный разговор с директором московского департамента полиции Ракитовым, который в резкой форме выразил свое неудовольствие работой подчиненного и откровенно заявил, что тому больше подойдет быть классной дамой и воспитывать благородных девиц, чем возглавлять уголовную полицию. Это высказывание было не просто обидным, оно указывало на крайнюю степень раздражения высокого начальника, потому что даже при худших обстоятельствах каждого из своих подчиненных он умел называть «голубчиком» и «милейшим». И Аристов знал: если бы не многолетняя дружба отца с министром, то наверняка его карьера завершилась бы за тысячу верст от Москвы в невеликой должности надсмотрщика за каторжанами и ссыльными.

Аристов осознавал, что сейчас на карту поставлена его репутация и от того, как будет продвигаться расследование, зависит его дальнейшая карьера. Григорий Васильевич был честолюбив, и если он не замахивался на пост министра, то ему ничто не мешало думать о том, что через несколько лет он займет место своего не в меру раздражительного начальника.

Весьма неплохо звучит: директор департамента полиции господин Аристов!

Григорий Васильевич поднялся и, заложив руки за голову, сладко потянулся. На его сухощавом, слегка скуластом лице не отразилось даже тени переживаний, за время службы он научился скрывать душевное состояние, и даже в минуты глубочайшего разочарования его лицо оставалось таким же непроницаемым, каким может быть только у античных статуй.

Восьмое ограбление кряду за два месяца – и никаких улик! Ясно одно, что преступник необычайно умен, дерзок и не лишен изобретательности. А эта его выходка со стыдливой красной розой в глубине сейфа, скорее всего, свидетельствует о романтических струнках его души. Интересно, что же он придумает в следующий раз? Определенно, он не лишен романтизма.

Заложив руки за спину, Аристов прошелся по просторному кабинету, и толстый ковер заглушал шаги его атлетической фигуры. Григорий Васильевич подумал о том, что московские банкиры обещали выложить триста тысяч рублей за поимку грабителя, и он не без удовольствия рассуждал, что скоро может стать обладателем внушительного поощрения. В этом случае он непременно отправится в Париж и прихватит с собой одно прелестное и юное дарование из императорского театра.

Над самым креслом во всю стену был прикреплен огромный портрет государя, и, взглянув на его величество, Аристов мог поклясться, что государь понимающе подмигнул.

Григорий Васильевич потянул медную ручку двери, и яркие коридорные лампы предательски выхватили между черными густыми прядями волос основательно поредевшую макушку.

– Что прикажете, ваше сиятельство? – юркнул к локтю Аристова адъютант.

– Кучера поторопи да посмотри, чтобы трезв был. Ежели опять пьян будет, пригрози, что продержу его под арестом, – поморщился Григорий Васильевич, вспомнив, как в прошлый раз Яшка без конца пытался рассказать ему о своей состарившейся жене и так яростно дышал ему в лицо, что даже через неделю ему казалось, будто бы от сюртука пахло застойной сивухой.

Григорий Васильевич не без удовольствия подумал о том, что сегодняшний вечер проведет в обществе прехорошенькой мещанки и постарается проявить максимум изобретательности, чтобы после ужина в дорогом ресторане заманить ее в свою холостяцкую квартиру.

Пролетка стояла у самой лестницы, и Аристову достаточно было беглого взгляда, чтобы понять, что кучер пьян.

– Нализлся, скотина, – просто уронил Григорий Васильевич, шагнув в удобную коляску.

– Истинный Бог нет! – искренне божился Яшка. – Да разве я бы посмел! Да за такое жалованье, как у вас, ваше высокоблагородие, можно век без питья прожить.

– Ладно, трогай, голубчик, а то, не ровен час, я вместе с тобой захмелею. А пьянеть без вина обидно, – расхохотался Григорий Васильевич, подумав о том, с каким чувством он поможет хорошенькой мещанке расстаться с целомудренным платьем.

Подкоп был небольшой, и его трудно было заметить даже при ближайшем рассмотрении. Лаз был прикрыт ворохом увядших цветов и больше напоминал примятую клумбу, чем начало тоннеля. Земля вокруг была тщательно утоптана и выровнена, и, если бы не знать того, что именно с этого места начиналось ограбление, можно было бы предположить, что нерадивый садовник позабыл привести аллею в подобающий вид. Узкий лаз сначала уходил на пол-аршина вниз, а потом терялся за каменной стеной темной зловещей норой.

Григорий Васильевич заглядывал в черный проем, брал куски глины и песка в ладонь, уверенно разминал их пальцами. Чего он не решался сделать, так это попробовать ее на вкус. Уж больно погано выглядит! Рядом сутился смотритель оранжереи – тучный, невысокого роста господин, – он в точности повторял все движения главного сыщика Москвы, заискивающе заглядывал в лицо, и Аристов едва справился с искушением, чтобы не предложить ему последовать в подземный ход. Очень хотелось посмотреть, с каким трудом смотритель оранжереи будет протискиваться в узенький лаз.

– Так, значит, вы говорите, милейший, что пару недель назад взяли на работу садовника?

Григорий Васильевич по примеру директора департамента полиции старался обращаться ко всем исключительно любезно, и чем раздражительнее он бывал, тем речь его становилась изысканнее.

Подчиненные уже успели отметить в нем эту черту и злорадно называли Аристова «ваша любезность».

– Именно так, ваше сиятельство, – подкатился смотритель к самым ногам Григория Васильевича, и Аристов с трудом сдерживался, чтобы не поддеть его носком туфли. Он даже

посмотрел вверх, чтобы проследить, какую замысловатую траекторию выполнит этот говорящий «мячик».

– Выходит, этот подкоп он соорудил всего лишь за несколько дней? – подкинул Аристов на ладони кусок слежавшегося песка, который тотчас рассыпался на множество мелких горошин.

– Именно так, ваше сиятельство, – весело подхватил смотритель и, согнувшись, подобрал с лаза кусок земли, который мгновенно просыпался на его белые брюки.

– Как же это вы, голубчик, не заметили, что у вас под носом в хозяйстве творится?

– Да разве за всем уследишь? – мгновенно pokrылся испариной смотритель и широкой ладонью провел по выпуклому лбу, оставляя на нем грязные разводы. – Оранжерея-то большая, а потом я в Ригу уезжал... я уже говорил об этом вашему дознавателю. Там вывели очень необычную розу с листьями пепельного цвета. Хотелось посмотреть, может быть, привезти ее в Москву, а вдруг приживется и в нашем Ботаническом саду?

– Как же вы его не распознали сразу?

– Он очень хорошо разбирался в цветах. А потом показал диплом и рекомендательные письма, так что сомневаться в его квалификации у меня не было никаких причин. Он убедил меня, что нужно на этом участке сада разбить оранжерею, а для этого клумбу нужно будет основательно разрыть. Но скажите, разве я мог подумать о том, что вместо пересадки растений он занимается подкопом в банк?!

– Действительно, предположить это чрезвычайно трудно. – Аристов чиркнул спичкой и осветил темный зев. – Однако наш преступничек аккуратен, как крот. Я совсем не удивлюсь, если выяснится, что свой лаз он выметал веничком. – Спичка ярко горела, и желтый мерцающий свет веселым бесенком прыгал по крутым стенам, отчего они казались неровными, словно смятые листы бумаги. Пламя неровным красным кружком приближалось к холеным ногтям. А когда огонь чувствительно укусил его за палец, Аристов нервно отбросил обгоревшую спичку далеко в сторону. – Так что из себя представлял ваш садовник, любезнейший? Какого он был роста? Вы запомнили цвет его глаз?

Смотритель внимательно проследил за тем, как черный, обуглившийся конец спички упал на рыхлую коричневую супесь, и виновато забасил:

– Рост у него немножко выше среднего, худощавый, с бородкой. Глаза как будто бы светлые. Обыкновенный такой.

– А вот с этим выводом, милейший, я никак не могу согласиться, – ласково пропел Григорий Васильевич. – Не такой он уж обыкновенный, если сумел отомкнуть восемь сейфов английской работы, не оставив при этом ни малейшего следа. Впрочем, я не совсем точен, конечно же, оставил. Я совсем позабыл про те розы, что были найдены внутри. Так что я хочу вам сказать, голубчик, – эти цветы из вашей оранжереи. Это было установлено экспертами, даже песчинки на стеблях указывают на это!

– Неприятно. Да уж!

Григорий Васильевич осторожно обошел кучу вырытой земли и стал подниматься по высоким ступеням банка. Смотритель катился следом, он только едва остановился перед порогом, как будто решил набраться сил, чтобы преодолеть его без повторений, а инспектор уже задал следующий вопрос:

– Может, вы заметили в нем что-нибудь необычное?

– Вспомнил! – воскликнул смотритель. Этот радостный выдох больше напоминал звук спущенного шара. – Необычными у него выглядели руки. Как же я не вспомнил об этом сразу! Они совсем не напоминали руки садовника. Я еще тогда обратил на это внимание. Обыкновенно у человека, который роется в земле, они грубоваты и темны, а у него ладони были совершенно чистые и белые, как будто всю свою жизнь он держал их в перчатках. У меня племянник

играет на фортепьяно, так меня всегда удивляют его руки с тонкими длинными пальцами. У этого человека точно такие же.

– При его воровской квалификации это совсем не удивительно. Для медвежатника чувствительные пальцы так же важны, как для будущего пианиста абсолютный слух.

Подземный ход выходил к самой двери сейфа, которая была гостеприимно распахнута, а о самый край металлического каркаса, задрав пушистый хвост, чесался огромный серый кот.

Аристов сразу обратил внимание на то, что единственным неохраняемым местом в банке была именно стена со стороны оранжереи, и поэтому неудивительно, что преступник предпочел именно ее. У остальных трех стен круглосуточно стояли жандармы, которые одним лишь своим видом заставляли прохожих переходить на другую сторону улицы. И Аристов в раздражении подумал о том, с какой широкой улыбкой преступник проходил после ограбления мимо напыщенных истуканов, затянутых в мундиры блюстителей порядка.

– И опять этот английский замок! – шире приоткрыл дверь Григорий Васильевич. – Он их открывает так, как будто орехи щелкает. – Он достал лупу и стал тщательно изучать замочную скважину. – Никаких царапин! Если бы я не знал, что это ограбление, то подумал бы, что ключи от московских банков он держит у себя в кармане.

Смотритель близоруко сощурил глаза и приблизил широкое лицо вплотную к двери, но не сумел рассмотреть ничего, кроме махонького паучка, который с отчаянностью скалолаза свешивался на прозрачной паутине с полутораметровой высоты.

Год назад Павел Алексеевич Завируха возглавил Ботанический сад. Предстоящая работа среди цветов и деревьев виделась ему как отдых от светского образа жизни и игры в карты. А потом в тихом уюте оранжереи можно было не только спрятаться от кредиторов, но и безболезненно справиться с возможным похмельем. И уж конечно, он никак не мог предположить, что судьба способна выдать ему крепкую оплеуху в компенсацию за то веселое время, что он пробыв в должности смотрителя Ботанического сада. За сегодняшний день он уже не однажды пожалел о том, что за это место пришлось выложить такую взятку, на которую можно было бы целый год снимать комнату в центре Москвы с прислугой и извозчиком. И совсем глуповато выглядел его поступок – отказ от места директора Сандуновских бань.

Смотритель с тоской посмотрел на часы – близился вечер, а это время для Завирухи было святое. Он уже стал подумывать о том, чтобы подобрать благовидный предлог для того, чтобы спровадить зануду инспектора из сада. Смотритель с интересом поглядывал на паучка, который ловко плел паутину, и размышлял о том, что точно такую же сеть попробует соорудить для своих напарников по преферансу.

– Искусный пройдоха, – хмыкнул Павел Алексеевич и небрежно сорвал с двери паутину. Паук, свернувшись комочком, упал на пол, а потом обиженно заторопился в темный угол.

– Нет, милейший, позвольте мне с вами не согласиться. Это не пройдоха, а искусный мастер. – Аристов медленно водил лупой по краю двери. – Я бы даже сказал, мы имеем дело с настоящим талантом! Поверьте мне, такие люди рождаются не часто. Вот посмотрите сюда... Этот английский замок невероятно сложной работы, однако он запросто сумел подобрать к нему ключик. За короткий срок он сумел выпотрошить восемь сейфов и в каждом случае подбирал ключ индивидуально. Он не только изобретателен, он еще и невероятно трудолюбив. Как бы мне хотелось познакомиться с ним.

В том, что кражу совершил один и тот же человек, Аристов не сомневался. Все восемь ограблений были поразительно похожи друг на друга, как розы, срезанные с одного куста. Григорием Васильевичем уже была допрошена масса свидетелей, и едва ли не каждый из них утверждал, что видел накануне ограбления у самого банка высокого шатена в возрасте тридцати пяти лет, одетого в серый костюм из дорогого английского твида, в руках он держал тяжелую трость с набалдашником из белой кости. Лицо худощавое, подбородок скрывала густая

черная борода, настолько аккуратно подстриженная, что напоминала клумбу, над которой трудилось не одно поколение потомственных садоводов.

Аристов раскладывал перед свидетелями целый ворох фотографий, но среди массы насильников и убийц никто не увидел изысканного господина, одетого в дорогой костюм по последней французской моде. Не дали результатов дактилоскопические оттиски, и оставалось только предположить, что двери сейфов открывались тотчас, едва грабитель произносил заветное «Сезам» из арабских сказок.

Глава 2

- Ты должна выполнить все в точности. Это очень важно. Ты поняла меня, голубка?
- Да, Савушка, – тихо отвечала девушка, и улыбка, такая же тревожная и неуловимая, как полет быстрокрылой бабочки, едва коснулась ее губ.
- Лиза, ты должна быть неприступной и кокетливой одновременно.
- Он уже потерял из-за меня голову.
- Этого нам не нужно, важно, чтобы ты не отпускала его от себя в течение полутора часов. Поиграй с ним, пококетничай, позволь ему коснуться обнаженного локтя. Он должен забыть обо всем.

Девушка слегка сжала губы, сделавшись серьезной. Сейчас она напоминала прилежную институтку, которая трепетно внимает строгим речам наставницы.

- Поняла, я постараюсь выполнить все в точности!
- Хорошо, а теперь ступай и опоздай минут на десять. Это должно произвести неплохое впечатление, покажи, что ты знаешь правила хорошего тона.

Аллеи Тверского бульвара в этот полуденный час были прохладными и спокойными. Совсем иное вечерние сумерки, когда сюда съедется все высшее общество Москвы, чтобы обменяться последними светскими новостями и заполучить приглашение на званые обеды. Тверской бульвар делается тесным от наплыва молодежи, и каждый оперившийся молодец считает для себя обязательным прокатить по широкой Тверской на легкой пролетке раскрасневшуюся от смущения барышню!

- Проводи меня немного!
- Хорошо.

Молодой человек слегка взял девушку под руку и неторопливым шагом повел вдоль аккуратного строя берез в сторону Триумфальных ворот. Деревья напоминали шеренгу grenadiers, вытянувшихся на параде перед строгим генералом, и покачивали густыми кронами при каждом сердитом порыве ветра. Пара ничем не отличалась от многих влюбленных, которые прогуливались вдоль аллеи, и казалась на редкость красивой, и одряхлевшие старики не без зависти оборачивались на них.

– Все! Дальше я сама. – Девушка мягко высвободила руку и, помахав на прощание узенькой ладошкой, спрятанной в белую длинную перчатку, ускорила шаг.

Молодой человек некоторое время смотрел вслед удаляющейся барышне, как будто надеялся уловить ее прощальный взгляд, а потом, не дождавшись, окликнул проезжавшего извозчика и, присев на жесткое кресло, поторопился:

- К Арбатским воротам, голубчик! Да поспеши, я тороплюсь!
- Это я мигом, ваше высокоблагородие! – весело отозвался извозчик и решил требовать с барина лишний гривенник.

Девушка подошла к дверям ресторана «Эрмитаж» в тот самый момент, когда минутная стрелка на Сухаревой башне остановилась на четверти часа.

– Лизанька, голубушка, я уже начал переживать, что вы не придете. – Навстречу Елизавете, обиженно сопя, заспешил невысокий брюнет в черном костюме. На толстой шее, крепко стянув воротник, полыхала ярко-красная бабочка. Она казалась настолько живой, что не хватало всего лишь мгновения, чтобы она, качнув крыльями, оставила накрахмаленную рубашку и спряталась высоко в кроне деревьев. – На столе уже стоит шампанское, давно стынет жаркое. Я ведь оставил все свои дела и, как мальчишка, бросился к вам на свидание. Поверьте, со мной никогда такого не было. Если бы вы не пришли, я просто не пережил бы такого. Я умер бы от отчаяния и тоски!

– Хорошо, хорошо, я вам верю, пойдемте же скорее, – Елизавета бережно взяла брюнета под руку. – Я страшно проголодалась.

Савелий Николаевич Родионов остановил пролетку за два квартала от Гостиного двора. Щедرو расплатившись за быструю езду, он неторопливо, помахивая тростью, пошел вдоль витрин с изображением сцен из модного спектакля.

На углу его окликнул хрипастый голос:

– Барин, подай копеечку. На том свете тебе воздастся за твое благочестие.

Савелий Николаевич достал пятак и бросил его на мятую грязную шапку нищего.

– На вот тебе, дружок, помолись за нас, грешных.

– Можешь идти, Савелий Николаевич, за тобой никого не вижу, – зашептал нищий. – У банка тоже все спокойно. Управляющий ушел и сказал, что ранее трех часов пополудни не вернется, вот чиновники все и разбрелись кто куда. – И добавил громко, чтобы было слышно на соседней улице: – Спасибо, мил человек, доброго тебе здоровьяца, век твою милость помнить буду. А еще молиться за тебя стану и детишкам своим накажу! – Бродяга ловко подобрал монету и так глубоко запрятал ее за широкую рубаху, как будто это был не кружок меди, а слиток червонного золота. – Облагодетельствовал, господин! Век тебе здоровья! – не унимался бродяга.

Савелий Николаевич, не сбавляя шага, глазел по сторонам. Он напоминал беззаботного провинциала, который от обилия времени готов был заглядывать в каждую лавку и провожать взглядом проезжавшие мимо пролетки с очаровательными дамами. Весь его вид говорил о том, что он создан для праздного времяпровождения, а деловая суeta ему так же чужда, как густой снег в июльскую пору. Он то и дело оглядывался на хорошеньких женщин и так радушно им улыбался, как будто с каждой из них провел медовый месяц. Савелий Николаевич был один из многих беспечных горожан, что в этот час заполнили центральные улицы, не отличался от них даже внешне: каждый второй был молод, имел коротенькую стриженую бороду и так же умело перебирал в пальцах набалдашник трости, как будто уделял этому занятию весь свой досуг. Родионов слился с фасадами зданий и выглядел на их фоне гораздо естественнее, чем цветочные насаждения во дворах замоскворецких купцов. Он с удовольствием отмечал, что прохожим его присутствие так же безразлично, как выкрики газетчиков, расхваливающих очередную номер «Вечерней Москвы». Постояв немного у витрины, он свернул в подворотню. Его исчезновение осталось незамеченным. Никто из прохожих даже не мог предположить, что молодой господин, небрежно помахивающий дорогой тростью, один из самых крупных медвежатников Москвы, сумевший только за последние два месяца выпотрошить восемь сейфов и сделать нищими трех банкиров. Обыватели пришли бы в восторг, узнав, что это тот самый грабитель, которого уже почти полгода отслеживает весь российский уголовный розыск и за поимку которого московские банкиры пообещали немедленно выложить четверть миллиона рублей золотом.

Гостиный двор клокотал тысячами голосов. К его дверям то и дело подъезжали экипажи и авто. Магазин жил особенной жизнью, которая совсем не походила на тихое существование окраинных улиц. Казалось, что в Гостиный двор съехалась вся Москва, чтобы отведать только что испеченных пирожков и прикупить к воскресному столу чего-нибудь вкусенького.

У самого угла длинного здания стояла новенькая пролетка. Кучер, малый лет двадцати, без конца зевал и почесывал гривастый затылок. Даже беглого взгляда было достаточно, чтобы понять: извозчик дожидается хозяина, и еще полчаса такого томления – и малый сникнет совсем, а затем богатырским храпом заглушит не только крики продавцов, расхваливающих остывшие печености, но и гомон торговых рядов.

Никто из стоявших рядом не обратил внимания на то, как Родионов, проходя мимо, чуть приподнял трость, а извозчик в ответ наклонил голову.

Савелий Николаевич поднялся на высокое крыльцо и уверенно распахнул дверь. Здание было пустынно, и его полутемные коридоры свидетельствовали о том, что жизнь в них замерла до завтрашнего утра. Родионов хорошо представлял каждый уголок здания. Кроме банка, здесь помещалась еще контора по продаже недвижимости, да и сам он мог вполне сойти за среднего буржуа, подбирающего для тайных свиданий уютное теплое гнездышко. Жандарм, стоящий у лестницы, едва посмотрел на вошедшего, а потом, развернувшись, заложил руки за спину и неторопливо поплелся в противоположный конец коридора. Свое присутствие в банке он считал глупой забавой, по его мнению, только безумец способен войти в здание, которое было усилено не только современными замками, но и снабжено чуткой охранной сигнализацией, и достаточно было легкого прикосновения к металлической ручке сейфа, чтобы по всей округе устроить такой переполох, от которого проснутся даже пожарники.

Савелий поднялся на верхний этаж. Здесь было безмятежно, только иногда тишину тревожил стук пишущей машинки и скрежет передвигаемой каретки. Родионов открутил набалдашник трости и вытащил из него длинную отмычку с загнутым концом. Он уверенно вставил инструмент в замочную скважину, дважды повернул, и дверь отворилась, издав мягкий щелчок. Савелий Николаевич спокойно вошел в комнату, огляделся и осторожно прикрыл за собой дверь. Окна выходили на глухую стену, и, слушая тишину, невозможно было поверить, что за углом располагаются торговые ряды. Этажом ниже помещалась комната с сейфом – достаточно было распахнуть окно и спуститься вниз на три метра по веревочной лестнице, чтобы оказаться как раз напротив форточки. Лестница была подвешена накануне вечером, крепко закреплена на коньке крыши и была такой крепости, что могла выдержать груз в двести пудов. Савелий знал, что хозяин кабинета ценит здоровый образ жизни и закрывает форточку только на ночь, и сейчас она, словно отворенная пасть, влекла к себе медвежатника. Наиболее опасным местом была сигнализация, которая должна включиться мгновенно, едва он притронется к подоконнику. Но к этому Савелий Николаевич был готов. В банке он бывал неоднократно. Но от обычного клиента, желавшего заполучить в собственность недвижимость, отличался тем, что внимательно изучал все рубильники и провода, которые, подобно паутине, опутывали здание. И только через две недели посещения он заметил в самом углу одной из комнат щиток, замаскированный под глиняную лепку, который и контролировал охранную сигнализацию в большом доме.

Эту сигнализацию выпускала солидная немецкая фирма «Кайзер». Фирма дорожила своей репутацией, и поэтому установкой занимались только ее собственные специалисты. Полгода назад Савелий Николаевич приобрел такую же сигнализацию, и ему понадобилась неделя, чтобы раскусить все ее секреты, и теперь он смотрел на щиток как на милую и забавную игрушку с безобидным мотком проволоки. Отключить сирену можно было всего в пять минут. Важно было не коснуться кнопок-ловушек, которые находились по всему корпусу. Родионов извлек из кармана отвертку, осторожно вывернул крышку, а потом выдернул хитроумные петельки.

Теперь, кажется, все.

Потом он распахнул ставни и, ухватившись за веревочную лестницу, шагнул в окно. Савелий Николаевич знал, что нужно спуститься на семь ступеней вниз и лицо окажется как раз напротив распахнутой форточки. Осторожно, стараясь не раскачивать лестницу, он спустился на этаж, а потом, ухватившись за крепкие ставни, юркнул в окно.

Сейф был огромен и в полумраке комнаты выглядел зловеще. Савелий бы не удивился, если б сейчас, расправив металлические плечи, он поднялся до самого потолка и злобным медведем попер прямо на него. Но, видно, стальной монстр утомился от дневного света и теперь мирно дремал в самом углу.

Сейф имел три замка, два из которых можно было отомкнуть за пять минут. Савелий несколько раз уже проникал в эту комнату и сумел подобрать к ним отмычки, но вот третий оказался потайным и с хитроумным секретом. Он выпирал из двери огромным штурвалом, и нужно было прокрутить колесо в определенной последовательности, чтобы дверь отомкнулась. Для подобной операции требовалась особая чувствительность пальцев, чтобы уловить малейшее скольжение замочного язычка. Родионов подрезал подушечки пальцев острым лезвием и сейчас мог ощутить тонкой кожей даже малейшее колебание температуры. Савелий уверенно завертел отмычками: сначала весело щелкнул один замок, потом открылся другой. Оставалось самое сложное. Родионов повернул «штурвал» – он завращался очень свободно, как будто дожидался именно этого нежного и умелого прикосновения. Савелий крутанул еще раз, но уже в другую сторону, и почувствовал, как под подушечками пальцев дрогнул тончайший механизм. Он даже представил себе, как запор выдвинулся на миллиметр из тесного отверстия, как ощутил желанную свободу, и снова повернул колесо. Савелий безошибочно почувствовал движение стального язычка, подобно тому как искусный дирижер слышит фальшивую ноту в огромном оркестре.

Почувствовав движение запора, он теперь знал наверняка, что держит замок за самый кончик языка своими сверхчувствительными пальцами. Савелий прекрасно представлял, сколько раз нужно прокрутить колесо, чтобы в ответ раздался заветный щелчок и сейф гостеприимно распахнулся. Своими безошибочными действиями Савелий напоминал талантливого скрипача, который мог безошибочно сыграть партию, едва взглянув на ноты. Пальцы Родинова, подобно смычку, скользили по «штурвалу» и уверенно отыскивали те самые ноты, которые должны стать аккордами в его выступлении. И когда раздался звонкий щелчок, он облегченно вздохнул.

В этом сейфе находились наиболее ценные вложения клиентов: фамильные драгоценности, ценные бумаги, деньги, – и управляющий, не доверяя чиновникам, пожелал держать золото и камешки у себя в кабинете. Поговаривали, что ювелиры оценили драгоценности в семь миллионов рублей, и Савелий Николаевич решил убедиться в этом лично.

Дверь открывалась мягко, и совсем не верилось, что она была сделана из толстых стальных листов и весила почти пять пудов.

– К черту! – невольно вырвалось проклятие.

Внутри сейфа стоял большой металлический ящик, который выглядел совершенно неподъемным, а времени, чтобы подобрать к нему отмычки, не оставалось. Родионов понял, что его затея стоила ровно столько, чтобы поглазеть на закрытый ящик и несолоно хлебавши исчезнуть через оконный проем.

Вдруг его взгляд споткнулся о серебряную шкатулку, стоящую в углу комнаты на огромном комод. Савелий Николаевич сделал несколько шагов и взял с комода шкатулку. Просунув булавку в скважину, он без труда отворил ее, и крышка мягко приоткрылась – на красном бархате лежал ключ. Еще не веря в удачу, Савелий попробовал отомкнуть металлический ящик, а когда ключ без усилий повернулся на два оборота, он облегченно вздохнул.

Савелий приподнял крышку осторожно, он как будто опасался нового неприятного сюрприза и поэтому даже на мгновение прикрыл глаза, чтобы разочарование было не таким жестоким. Но на самом дне, на красивых подушечках, лежали бриллиантовые ожерелья, золотые браслеты, перстни, серьги. Многие изделия имели фамильное клеймо и могли сделать честь любому столичному музею. Но особенно ему понравилось тонкое кольцо из платины, которое украшал огромный, величиной с ноготь большого пальца, темно-зеленый изумруд.

Некоторое время Савелий стоял неподвижно, зачарованный увиденным, а когда глаза насытились зрелищем, он достал из-за пояса припрятанную сумку и бережно стал складывать в нее добычу. Понравившееся кольцо он положил в карман.

Наконец все было уложено.

Савелий посмотрел на часы. Через две минуты сидящий на углу нищий должен устроить потасовку с прохожими. На уличный шум из банка выйдет жандарм и попытается усмирить разбушевавшихся. В течение последующих пяти минут Родионову нужно будет незаметно выйти из здания и сесть в поджидавшую его пролетку. Савелий аккуратно надел на голову парик, приклеил густые бакенбарды, потом встал на подоконник и, уцепившись за веревочную лестницу, стал подниматься на верхний этаж. С минуту он прислушивался к шорохам в коридоре. И, убедившись, что все тихо, отомкнул дверь.

Любой чиновник, неожиданно возникший в коридоре, должен был непременно запомнить рыжую шевелюру и густые седоватые бакенбарды.

Савелий рассуждал: если в здание вошел один человек, то выйти из него должен другой.

Коридор был пустынен. Савелий Николаевич неторопливым шагом спустился по марморморной лестнице, так же не спеша прошел до парадного выхода. С улицы раздавалась яростная брань. Савелий Николаевич без труда разобрал сиповатый бас нищего, вызывающего к справедливости, а строгий голос жандарма призывал к порядку и требовал от грубияна предъявить документы:

– Да я тебя в распределитель упеку! Будешь знать, почем зря честной народ задевать!

– Да кто же его задевал, ваше благородие?! – беспомощно стонал нищий. – Я ему говорю: подай копеечку, а он мне отвечает, что с такой рожей только на большую дорогу с кистенем выходить, а не милостыни по углам просить. Да разве это возможно, ваше благородие, я ведь дурного никогда никому не желал, а чтобы ближнего обокрасть, так это и вовсе не по мне! – яростно хрипел мужик, выплевывая бранные слова вместе с обильной слюной.

Зеваки, обступившие спорщиков со всех сторон, криво и лукаво ухмылялись.

– Знаю я вас таких! Насмотрелся! – грозно рычал жандарм, победно поглядывая по сторонам. И если бы не знать, что перед ним обыкновенный нищий, каких перед каждым собором многие тысячи, то можно было бы подумать, что ему удалось изловить многоопытного медвежатника.

– Так ты же его, дурень, за грудки схватил! На землю опрокинул!

– Это я, ваше благородие, не со зла! – все так же в голос оправдывался нищий. – А ежели он такой щедушный, так я не виноват.

Рядом стоял пострадавший – невысокий мужчина лет сорока. Весь его вид говорил о том, что роль потерпевшего для него так же естественна, как для бродяги драная рубаха. И сам он совсем не та персона, из-за которой нужно отрывать от дела такого важного человека, как жандарм. Он попытался произнести несколько фраз в свое оправдание, но его тихий голос утонул в громогласной раскатистой речи бродяги:

– Ишь ты! Ежели каждый так станет меня, сироту, срамить да разбойником называть, что же тогда с честными людьми станет. Управу я на вас найду, да я самому генерал-губернатору на ваше бесчинство жаловаться буду.

Никто не заметил, как из здания вышел молодой человек с длинными рыжими волосами. Его можно было бы принять за великовозрастного студента, если бы не сутулая осанка, больше свойственная разночинцам, загруженным нудной и неинтересной работой. В руках он держал сумку, в которой наверняка были ручки, карандаши, а также деловые бумаги, с которыми он решил разобраться в тиши домашнего кабинета.

Неожиданно нищий сменил тон:

– Может, ты и прав, ваше благородие. Может, я зашиб тебя сильно, так ты уж извиняй меня, неказистого, мил человек. Я ведь с малолетства немного не в себе.

Пострадавший оказался человеком незлобивым, он бы уж давно скрылся в толпе, если бы не хищная рука нищего, которая держала его так же крепко, как цепного пса привязь. И вот сейчас, ощутив свободу, он все ближе подбирался к толпе зевак, надеясь раствориться в ней через минуту, как капля воды в безбрежном море.

– Я уже давно позабыл...

Жандарм, раздосадованный столь быстрым финалом, погрозил напоследок кулаком нищему и проговорил:

– Смотри у меня, ежели еще увижу тебя здесь, в распределитель отправлю!

Нищий улыбнулся и отвечал примирительно:

– Обещаю, ваше благородие, больше не увидишь, – и веселая хитринка затерялась в густой бороде старика.

Глава 3

– Господи, вы само очарование. Вы даже не представляете, как вы красивы и как вы много для меня значите! – не переставал восхищаться Александров. – Я даже не нуждаюсь в вине. Я пьян только от одного вашего присутствия. Господи, а что же со мной станет, если я выпью шампанского.

Александров положил тяжелую руку на хрупкую ладонь женщины, но длинные тонкие пальцы умело выскользнули быстрыми змейками.

– Ого! – погрозила Лиза мизинцем. – Как вы нетерпеливы.

– Я весь сгораю от желания, неужели вы будете так бессердечны, что не захотите остудить мой жар?

– Всему свое время.

Многообещающая улыбка сумела только ненадолго охладить его пыл, а потом он вспыхнул вновь, подобно тому как загорается костер, когда в него швыряют охапку высушенного сена.

В ресторане было немногочленно, и полупустой зал эхом подхватывал слова купца и стремительно разносил их во все уголки, и можно было не сомневаться в том, что даже повара хохотали над любвеобильным Александровым. От прочих посетителей он отличался тем, что всех своих женщин приводил именно в этот ресторан и расточал им всегда такие щедрые комплименты, как будто каждая из них была его последней любовью. Но в этот раз он был необыкновенно красноречив. В его словах было столько вдохновения, что если бы его речь приняла материальное воплощение, то пролилась бы на землю благодатным дождем, который сумел бы воскресить даже выжженную безжалостным солнцем пустыню.

– Вы пытаете меня, Лизанька! Вы хотите сделать меня несчастным. Если бы вы знали, как я страдаю! Я бы хотел вас видеть каждый божий день, каждый час.

– О господи, вы преувеличиваете!

– Ну что вы! Я никогда не был счастлив, как сегодня. Я просто похож на гимназиста, который видит перед собой предмет своего страстного обожания.

Лиза посмотрела на часы и печально воскликнула:

– Очень жаль... Но мне сейчас нужно идти.

– Лизанька, подождите еще немного, вы так скрашиваете мое одиночество. Если бы вы знали, как мне невыносимо в моей пустой и холодной квартире. Если бы вы провели меня хотя бы однажды, я бы умер от счастья.

– Ну что вы! Вот этого я как раз и не желаю. Живите себе долго, я вам желаю умереть только от старости.

– А вот за это давайте поднимем по бокалу шампанского. – И, обнаружив пустые фужеры, разозлился: – Где же официант? Шампанского!

Официант, смазливый парень, смахивающий на купидона-переростка, подобно призраку, воплотился из воздуха. Он не позабыл, сколько господин Александров намеренно пожаловал ему чаевых, и теперь чувствовал себя во многом обязанным.

– Я здесь, Петр Николаевич!

– Милейший, дружок, – почти умолял Александров. – Ну-ка, поживее обслужи нас. Моя дама без шампанского скучает.

– Один момент!

Подобно искусному магу, умеющему проглатывать шпаги и вытряхивать из рукавов голубей, он выудил откуда-то из-за спины бутылку шампанского и ловко разлил пенящуюся жидкость в высокие бокалы.

– Извольте!

– Лизанька, голубка, отведайте только один маленький глоточек. Я вас прошу! Нет, я вас умоляю. Боже, вы красивы, как русалка, я просто тону в омуте ваших глаз.

Официант растворился, но можно было не сомневаться в том, что стоит Петру Николаевичу пожелать, как он тотчас предстанет перед ним подобно сказочному джинну.

– Как вы все-таки настойчивы! Хорошо, я сделаю только один глоточек.

Лиза пригубила фужер и поставила его на стол:

– А теперь мне пора.

– Лизанька, вы просто так не уйдете, мы должны непременно с вами встретиться. Я просто погибну от тоски, если не увижу вас завтра.

– Ну хорошо, – наконец согласилась девушка. – Давайте тогда встретимся завтра в это же время здесь же.

– Я буду считать часы до нашей встречи, – горячо произнес Петр Николаевич, и достаточно было посмотреть на его одухотворенное лицо, чтобы понять, что следующие сутки он проведет в нетерпеливом ожидании. – Разрешите мне проводить вас?

– А вот этого делать совсем не нужно, – мягко возразила Елизавета.

Однако в располагающей улыбке девушки чувствовалась твердость, а интуиция подсказала Александрову, что о стальные нотки ее голоса способно разбиться в брызги любое его желание.

– Ну хорошо, сдаюсь. Только завтра непременно, вы обещали!

– Я буду.

Елизавета попрощалась и, взяв со стола крошечную сумку, неторопливым размеренным шагом пошла к выходу, а легкий шлейф, словно русалочий хвост, потянулся следом.

Пренебрегая призывами извозчиков, Александров решил добираться до банка пешком. Он всегда верил в то, что очень нравится женщинам, и был убежден, что его комплименты изысканны и действуют на них так же чарующе, как флейта на замороженную кобру. Ему не терпелось расширить список своих любовных побед, а эта дамочка, с талией прима-балерины, займет достойное место в его многочисленной коллекции. Петр Николаевич думал о том, с каким интересом поведаст приятелям о своем новом завоевании и, потягивая пиво, будет смаковать подробности первой ночи.

Друзья Петра Николаевича знали практически обо всех его похождениях и ласково называли его наш «любовный фольклор». Петр Николаевич любил рассказывать о том, как однажды ему пришлось провести целую ночь за шторами в спальне одной графини, когда к ней неожиданно заявился муж. А в другой раз он представился настройщиком рояля и убедил хозяйина дома в том, что самое лучшее время для починки музыкальных инструментов – вечерние сумерки, и когда обманутый муж заперся с гостями для игры в карты, Александров под звуки «до» принялся давать ласковые наставления его дражайшей супруге.

Но Петр Николаевич Александров был не только страстный сердцеед, он умел и самозабвенно трудиться, и о его работоспособности ходили такие же небылицы, как и о его темпераменте.

Родом он был из ярославских крестьян, которые уже не одно столетие подавались в Москву, где оседали совсем, устроившись извозчиками или половыми в трактир. И только малая часть заводила свое хозяйство. Но уж если ярославцы становились на землю обеими стопами, то держались на ней крепко и приумножали многократно свои капиталы с каждым новым поколением.

Петр Николаевич был из таковых.

Его отец прибыл в Москву «лапотником» и десять лет месил навоз на скотном дворе, прежде чем скопил денег на покупку низкорослой клячи. А еще через три года он уже имел собственное подворье и три дюжины сытых рысаков. Через тридцать лет Николай Александров стал полноправным хозяином всего конного парка Москвы, и извозчики уважительно назы-

вали его «наш батюшка». Николай Александров был строгим хозяином и мог изгнать из артели только за одно неосторожное слово, и тогда извозчику ничего более не оставалось, как распрягать коня и съезжать восвояси в родную деревню. Поначалу находились смельчаки, которые пытались заниматься извозом вопреки наказу всемогущего хозяина. Однако судьба их всегда заканчивалась печально: они исчезали бесследно или их находили с развороченным черепом где-нибудь на глинистом берегу Москвы-реки. А потому «лапотники», надумавшие пристроиться в столице извозчиками, шли поначалу к Николаю Александрову и, пав ему в ноги, просили благословения и покровительства.

После смерти батюшки Петр Николаевич Александров расширил отцовский промысел: он закупил легкие экипажи, в которых охотно разъезжали не только преуспевающие промышленники и купцы, но и разудалые юнцы, желающие подивить девиц лоском роскоши.

А однажды Петр Александров пригрозил, что не пройдет года, как он потеснит с базаров торговый люд. Старое московское купечество, сформировавшееся на глубоких традициях и не желающее пускать в свою монолитную касту ни одного пришлого, восприняло это высказывание как пустое бахвальство. Но уже через полгода замоскворецкие купцы сумели убедиться в том, что не могут противиться натиску «короля извозчиков». Совсем скоро Александров приобрел несколько торговых домов в центре Москвы, а потом купил на аукционе у разорившегося купца Гостиный двор.

Петр Николаевич шел неторопливой и ровной походкой, точно баржа, рассекающая водную гладь. Извозчики, едва заприметив хозяина, невзирая на протестующий храп лошадей, дружно тянули за поводья и предлагали сесть в экипаж, но Александров, едва махнув рукой, шел дальше.

Городовой, заприметив Александра издалека, замер у входа в банк верстовым столбом. Петр Николаевич никогда не замечал «блюстителя порядка», он был для него таким же естественным дополнением улицы, как фонарный столб или брусчатка, но сейчас вдруг остановился и, глянув на служивого, весело поинтересовался:

– Все в порядке, молодец?

Городовой, тронутый вниманием управляющего, растянул губы в блаженной улыбке и отвечал:

– Драка тут давеча была, ваше благородие, но я на то и поставлен, чтобы за порядком следить. Разогнал их, бестий! А так ничего... служим.

– Молодец, голубчик! Так и держи! – сумел вырвать у строгого управляющего похвалу простоватый служака. – Я тебе еще от себя лично четвертной к жалованью добавлю.

– Рад стараться! – радостно проорал городовой, как будто сам губернатор похлопал его по плечу и обещал повышение по службе.

Поднимаясь по лестнице, Петр Николаевич думал о том, как сегодняшним вечером расскажет приятелям, что ему наконец-то удалось повстречать создание, которое своим совершенством может соперничать с изысканными линиями Афродиты, и победа над ней будет куда приятнее, чем над ворохом состарившихся княгинь.

Открыв дверь, Александров увидел распахнутый настежь сейф и понял, что приятный обед с молодой дамой стал самым дорогим удовольствием в его жизни.

* * *

Некоторое время Аристов рассматривал расставленные на столе предметы, а потом его внимательный взгляд остановился на Петре Николаевиче.

– Так, значит, вы утверждаете, что вчерашнее ограбление произошло за время вашего отсутствия?

– Ну конечно! Я пробыл в ресторане каких-то полтора часа, а за это время из моего сейфа выгребли драгоценностей как минимум на полтора миллиона рублей. Что мне теперь сказать своим клиентам? Как я оправдаюсь перед ними?! А фирма, изготавливающая эти сейфы, утверждала, что они самые надежные в мире! И нужно ли теперь после всего этого им верить?! А сигнализация? Он проник через мое окно, как будто бы его не было вовсе!

Вчерашний день для Аристова закончился неудачно: в течение пятнадцати минут он сумел проиграть восемь тысяч, а поздно ночью ему сообщили, что на Хитровке был зарезан один из его осведомителей. Сегодняшний день тоже начался с неприятностей: директор полицейского департамента Ракитов, вызвав его в кабинет, заявил, что если ограбления не будут раскрыты в ближайший месяц, то ему лучше подать прошение об отставке.

В ответ на строгий выговор Аристов намекнул, что великая княгиня Мария Александровна испытывает слабость к его персоне и три раза в неделю он является к ней вовсе не для того, чтобы засвидетельствовать свое почтение.

Аристов нахмурился:

– Я не смел бы вас об этом спрашивать, но в интересах дела вынужден поинтересоваться. Вы обедали в ресторане с дамой?

– Какое это имеет отношение к делу? Впрочем, я могу ответить вам на этот вопрос. Разумеется, с дамой! Я не люблю обедать в одиночестве.

– Позвольте мне тогда вам задать еще один нескромный вопрос. Как давно вы ее знаете?

– А разве даму нужно знать несколько лет, чтобы сходить с ней в ресторан? – удивленно вскинул брови Александров.

Петр Николаевич сидел в кожаном кресле и не сводил глаз с холеных рук Аристова, чьи пальцы никак не могли успокоиться: они тискали чернильницу, теребили листы бумаги. Чувствовалось, что им чего-то недостает. Петр Николаевич догадался, что они обретут покой в тот самый момент, когда ощутят глянec карт.

– Ха-ха-ха! Я вас понимаю, вижу, что у нас с вами много общего, но я совсем не это хотел спросить. Буду с вами откровенен. Возможно, эта дама была соучастницей ограбления и специально заманила вас в ресторан в то самое время, когда ее сообщник очищал сейф. Вы не заметили ничего странного в ее поведении?

– Помилуйте! Этого не может быть. Дама из общества, она воплощение искренности, а потом ее изысканные манеры! Нет, я просто не могу даже предположить этого. И опять же – я договорился встретиться с ней сегодня вечером.

Аристов хотел было возразить, что ему приходилось отправлять на каторгу даже графинь, но передумал.

– Ну хорошо, а разве ваш банк не охраняется?

– А как же, охраняется! Перед самым входом стоит городской.

– Вот как! Очень интересно. Почему же тогда его не было в этот раз? Почему он не заметил ничего подозрительного?

– Он вышел на улицу, когда услышал шум драки.

– Продолжайте.

– Городской мне рассказал, что какой-то нищий задирает прохожих, а потом учинил драку. Он божится, что пробыл на улице не более получаса.

– Ну что ж, не смею вас больше задерживать, вы нам очень помогли. – Григорий Васильевич поднялся и протянул белую пухлую ладонь. – И еще вот о чем я хотел бы вас попросить.

– Я вас слушаю.

Сейчас Аристов напоминал шулера, который был готов подбросить в колоду пятого туза.

– Если ваша знакомая сегодня не появится, телефонируйте мне, пожалуйста, по этому номеру, – и он быстро набросал на клочке бумаги неровный ряд цифр.

На некоторое время рука с листком застыла в воздухе, словно ладонь, не дождавшаяся ответного пожатия, а потом Александров ухватил бумагу за самый краешек и произнес с натянутой улыбкой:

– Разумеется... Прощайте!

Спускаясь по широкой парадной лестнице, Петр Николаевич едва удержался, чтобы не скомкать клоч бумаги, но какое-то смутное предчувствие, родившееся у него после беседы с Аристовым, заставило его спрятать бумажку в карман пиджака.

Петр Николаевич посмотрел на часы – до назначенного времени оставалось сорок минут – и быстрым шагом пошел к ресторану.

Он чуть опоздал, но Лизы не было. Петр Николаевич простоял у входа в ресторан в томительном ожидании около часа. Так долго он не поджидал ни одну барышню, а когда стало ясно, что ожидание бессмысленно, он решил позвонить Аристову.

– Барышня, соедините меня с начальником сыскного отдела полиции... да, этот номер. – И, услышав бархатный голос Аристова, произнес: – Она не пришла.

После чего осторожно положил трубку.

Глава 4

Хитров рынок находился в самом центре Москвы, неподалеку от Яузы. Своей будничной безликостью он больше напоминал пустынную площадь, чем столичный торг. Трудно было предположить, что в воскресные дни здесь бывает столько же народа, сколько можно встретить в дни религиозных праздников у соборов или на улицах во время выхода царственных особ. Каждый хитрованец считал себя купцом, а поэтому сносил на рынок все, что могло принести хотя бы малый доход. Вперемешку с застиранным бельем здесь можно было встретить золотые украшения с фамильными гербами. А на вопрос, откуда такая ценность, всякий хитрованец неистово божился, что драгоценность эта наследственная и досталась ему от усопшей бабушки. При этом он совсем не стыдился своего ветхого обличья, а ноги, обутые в разные ботинки, выставлял напоказ едва ли не с гордостью. Дескать, что поделаешь, и в жизни аристократов бывают трудные времена.

На Хитровке располагалась большая часть богаделен и приютов Москвы, и потому вместе с опустившимися людьми здесь можно было встретить батюшку, спешащего наставить на путь истинный оступившихся «детей»; одряхлевшего князя, который даже к падшим обращался «любезнейший»; спившихся фабрикантов, которые за карточным столом сумели просадить многомиллионные капиталы своих предков. Хитровка, подобно гнилому болоту, впитывала в себя самое гнусное, и уже за несколько кварталов от рынка чувствовалось, как местечко дышит угрозой и зловонием. Хитров рынок называли еще также и «чертовым местом», возможно, потому, что он с трудом отпускал от себя всякого опустившегося. И не было удивительного в том, что в одной ночлежке можно было встретить потомственного бродягу и спившегося потомка Рюрика. Хитровка принимала в себя всякого и, подобно чернозему, скоро перемалывала любую человеческую породу в единый природный материал, имя которому хитрованец.

Здесь, как и во всяком обществе, существовала иерархия, нарушить которую было так же невозможно, как переступить грань, отделяющую мещанина от столбового дворянина. И этикет здесь существовал не менее жесткий, чем во дворце великих князей.

Низшую ступень занимали бродяги и нищие, которые не только выпрашивали милостыню на оживленных перекрестках, но и при случае подворовывали у зазевавшихся прохожих.

Следующую ступень занимали «оренбурки», которые промышляли тем, что в темных закутках московских улочек грабили припозднившихся горожан. Это была веселая и разбитная публика, которая умела легко расставаться с награбленным, в трудную минуту пропивала последнюю рубаху, чтобы потом, вооружившись кистенем, выпотрошить припозднившегося гуляку до последней копейки. Их часто можно было увидеть в компании гулящих баб, которые были такими же доступными, как карманы бесчувственного пьяницы.

Совсем иными были урки, стоящие на самой верхней ступени Хитровки. В своем большинстве это были люди дела, и если обещали, что вырвут за дурное слово язык, то так и поступали. Их боялся весь рынок, а в те места, где они обычно квартировали, прочие заходили всегда с опаской и непременно сняв шапку. Как правило, они были малопьющие, держались ото всех особняком и напоминали стаю волков, которые были связаны не только узами родства и единым делом, но также и количеством пролитой крови.

Днем они отсыпались на своих «хатах» или резались в карты, зато ночь принадлежала им всецело. Урки занимались серьезными грабежами и никогда не опускались до уровня квартирных краж, а пойти на душегубство для них было так же естественно, как мяснику разделить тушу. Они составляли основу устойчивых банд с обязательным подчинением пахану, который был для них не только господином, но и отцом.

На самой вершине пирамиды возвышался старик Парамон, чья воля для всего Хитрова рынка была такой же обязательной, как для министров приказ царя. Только одного движения бровей Парамона было достаточно, чтобы дерзкого урку спровадить с Хитрова рынка.

А это всегда означало конец.

У изгоя мгновенно обнаруживалась масса недоброжелателей, которые клевали его так же усердно, как воробы просо. Опасаясь могущества Парамона, отверженного не принимала ни одна шайка, и потому никто не удивлялся, когда обиженного находили с перерезанным горлом где-нибудь на окраине Москвы.

Ссориться со стариком Парамоном было так же опасно, как наступать на хвост змее, оттого всегда встречали его ласковым словом и называли по батюшке.

Парамон Миронович содержал на Хитровке несколько приютов, в которых размещалось до нескольких сот нищих. Это была его личная гвардия, которая за два гривенника могла придушить любого неугодного. На Хитровке поговаривали, что Парамон едва ли не первый богат столицы и даже купцы первой гильдии не имеют и десятой доли тех сокровищ, которые старик насобирав грабежом за долгую жизнь.

Он забирал у урок едва ли не половину награбленного, а каждый торговец на рынке ежедневно делился с хозяином своей выручкой. Старый Парамон редко покидал свой дом, но когда выходил побродить, то вся Хитровка затихала и испытывала такое же состояние, какое природа ощущает перед грозой. Его гнев мог обрушиться не только на торговца, который не вовремя перешел дорогу, позабыв оказать должную честь, но даже на городского, лениво и важнодвигающегося посредине тесной толпы.

И если Парамон повышал голос, то городской смущенно отводил глаза и винулся перед стариком, как перед строгим губернатором:

– Ты бы уж не серчал, Парамон Мироныч, и без того у меня служба не мед.

– Ладно, ступай себе, – великодушно разрешал Парамон Миронович и шел дальше обозревать свои владения.

Сам Парамон был из тех коренных хитрованцев, которые провели на здешних улицах всю жизнь, а если выбирались за пределы ночлежек, то, как правило, ненадолго, да и то на подобный поступок всегда имелись основательные причины. Жизнь, окружавшая Хитров рынок, представлялась им куда беднее той, к которой они привыкли. А большинство обитателей ночлежек не покидали Хитровку совсем, и если подобное все-таки случалось, то им непривычно было видеть изящных кавалеров на широких улицах Москвы, гуляющих под руку с расфуфыренными дамами; приставов, призывающих к порядку; чиновников, разъезжающих в легких и быстрых экипажах. Но особенно в диковинку было наблюдать залы ресторанов, залитые светом, где царил культ еды. За столами, заставленными многими блюдами и вином, велись чинные беседы, звучала музыка, раздавался веселый смех. Настоящий хитрованец никогда не мог понять, как это возможно испить вина и не драться с соседом. Куда привычнее истинному хитрованцу были неосвещенные улицы, где раздается яростная брань: матерные слова были милы бродяжьему уху точно так же, как мещанину скрип проезжающего экипажа.

Парамон занимал целый дом, который по своему убранству значительно превосходил изысканные салоны Москвы, а знающие люди утверждали, что многое из мебели и посуды было доставлено из летних дворцов Петербурга. И можно было только предполагать, с каким аппетитом Парамон Миронович поедал курятину из тарелок с царскими вензелями. Старик был изыскан и заказывал себе еду в самых дорогих ресторанах Москвы, а горячие борщи ему доставляли в фарфоровых вазах на быстрых экипажах посыльные и извозчики.

Старик жил один, но попасть к нему в дом было так же непросто, как на прием к генерал-губернатору: дом караулили две дюжины бродяг из личной гвардии хозяина и готовы были разорвать всякого, кто тайком хотел бы проникнуть в дом Парамона Мироновича.

Без ласки хозяин Хитровки тоже не мог обойтись, он выходил на рынок и, указав перстом на понравившуюся девку, говорил:

– Сладка деваха, познать хочу!

И бродяги, которые следовали за ним неотступно, как шлейф за богатой дамой, хватали барышню под руки и препровождали в богатый дом Парамона Мироновича.

Хозяин Хитровки наследников не имел. К кому он действительно питал подлинную привязанность, так это к своему приемному сыну, который жил теперь где-то в дорогом особняке в центре и раз в месяц навещался на Хитровку, чтобы справиться о здоровье старика.

В тот день, когда приходил приемыш, старик бывал необыкновенно щедр – он выставял в самом центре Хитрова рынка двухсотведерную бочку пива, и каждый желающий мог отведать хмельного прохладного напитка в достатке.

Никто не знал, как мальчик попал к старику, просто однажды его пустое жилище огласилось задорным детским смехом. Парамон Миронович вышел на крыльцо дома, держа за руку трехгодовалого младенца, хмуро оглядел примолкших урок, а потом строго наказал:

– Пусть каждый из вас запомнит это дитя. Считайте его моим сыном, если его кто-нибудь обидит хотя бы ненароком... думаю, мне не нужно будет говорить, что станет с этим человеком.

– Как звать твоего мальчишку, Парамон Мироныч? – спросили урки.

Старик всегда был один. Он не мог терпеть подле себя даже баб и выставял их за дверь сразу, как только начинал чувствовать, что привыкает.

А тут, виданное ли дело, – малец!

– Зовите Савелием... Савушкой!

Никто не смел задать Парамону Мироновичу вопроса, от которого несказанно чесались языки, и на Хитровке единодушно решили, что воспитанием ребенка он задумал замолить напрасное душегубство.

Если Парамон Миронович был царем Хитрова рынка, то Савушка стал его принцем, и даже самые матерые урки расступались, когда он семенил по грязным базарным улочкам. Старик не скупился на воспитание приемыша, и вся Хитровка знала о том, что он нанял целый штат гувернанток, которые учили его не только французскому языку, но и хорошим манерам. Все это относилось на счет чудачества Парамона Мироновича, который умел удивить не только хозяев ограбленных магазинов, но и собственных сподручных.

Малец оказался и вправду очень способным – он одинаково безукоризненно мог вытащить кошелек у зазевавшегося разини и попросить милостыню на чистейшем английском языке у вальяжного буржуа, случайно оказавшегося на Хитровом рынке. За эти обширные «познания» Парамон Миронович не укорял воспитанника, но не забывал о том, что у мальчика иная судьба, чем у его приемного отца.

Савушка сделался любимцем всей Хитровки и шалил на базаре так, как если бы это была его детская комната: к хлястику чопорного барина он мог привязать поводок лошади; обрить наголо валяющегося пьяницу, а уркам в вино частенько подмешать слабительное. И вся Хитровка потешалась потом над проказами Савелия. С Хитровкой Савелий распрощался в восемнадцать лет, когда Парамон Миронович надумал отправить его в Берлинский университет, где приемыш должен был продолжить свое образование.

Обняв Савелия, старик напутствовал его сдержанно:

– Жаль, что философию жизни ты начал постигать на Хитровке. Впрочем, это не самая худшая школа. Знай, что за границей тебе не будет ни в чем отказа, дай только весточку, и я пришлю тебе людей и деньги.

– Спасибо.

– Я буду по тебе скучать.

– Я тоже, Парамон, – отвечал Савелий, назвав хозяина Хитровки по имени, как это было заведено между ними.

* * *

В Германии Савелий жил как сын крупного промышленника. В Берлине на деньги Парамона он купил себе дом, держал прислугу из десяти человек и даже завел собственное дело – он выращивал цветы. Особенно он преуспел в выведении новых сортов роз, которые отличались не только сочной яркостью лепестков, но и необычайно большими размерами. Здесь он превзошел даже французов, которые всегда считали цветы своей монополией. Однако его новая страсть не мешала учению, и Савелий числился одним из самых блестящих студентов университета. Он учился одновременно на трех факультетах, постигая вместе с гражданским правом физику и ботанику. Но об истинной его страсти из берлинского окружения не догадывался никто: Савелий во множестве закупал сейфы ведущих компаний и проводил с ними по многу часов кряду, словно в кругу задушевных приятелей. Он развинчивал их по винтику, изучал хитроумные детали, пытался раскрыть секрет замысловатых устройств и подобрать надежные отмычки, стремился раскусить ловушки, подстроенные изобретательными конструкторами. А если ему удавалось отыскать ключик, то радовался так же, как некогда во времена своего отрочества на Хитровом рынке, когда незаметно подсыпал строгому городовому в стакан с пивом английскую соль.

Для него сейфы были некой игрой ума, своеобразной головоломкой, в которой он пытался перехитрить изворотливых конструкторов. Он будто кидал им перчатку, вызывая на интеллектуальный поединок, и непременно одерживал победу в тишине своего уютного кабинета.

Скоро Савелий понял, что не существует более замка, с которым бы он не справился, а однажды, забавы ради проникнув ночью в Промышленный рейхсбанк, открыл один из сейфов и оставил на его пустом дне прелестную алую розу.

Парамон Миронович высылал приемышу деньги, но Савелий в них более не нуждался. Он жил беззаботно, с размахом буржуа, у которого счет в банке неисчерпаем, как золотые запасы Клондайка. Щедрость его граничила с расточительностью, что вызывало смешанное чувство осуждения и зависти у расчетливых немцев. Он заказывал ужин в дорогих ресторанах на многочисленную и бедноватую студенческую братию; бросал милостыню, которая равнялась месячному заработку предпринимателя средней руки, а с извозчиками расплачивался так щедро, как будто они доставляли его не на соседнюю улицу, а везли на собственной спине через всю Европу. Никто не знал источника благосостояния Савелия. Окружающие считали, что юноше принадлежат десятка два заводов и несколько приисков в далекой Сибири. Сам Родионов эти слухи не отрицал, а когда вопрос задавали напрямик, то он своей непроницаемостью напоминал загадочного сфинкса.

И если в городе случалось ограбление, то подозревать в том блестящего студента Берлинского университета было бы так же нелепо, как заподозрить монашенку в групповом прелюбодеянии. Однако он умело запускал хищную руку в металлическое чрево сейфов и совершал это не менее искусно, чем факир, добывающий из пустого ящика несметное количество платков.

Газеты пестрили фотографиями распахнутых сейфов; журналисты не без злорадства извещали о том, что репутацию «неприкосновенного» потерял еще один банк, а список разоренных промышленников продолжает расти, и кто в этом хаосе сохраняет завидную невозмутимость, так это шеф криминальной полиции.

И только Национальный банк, охраняемый взводом полицейских и оснащенный современной сигнализацией, оставался эталоном неприступности.

Возможно, Савелий Родионов надсмехался бы и над его запорами, если бы не быстротечность студенческой поры. Получив дипломы об окончании и распрощавшись с приятелями, бывший хитрованец отбыл в Россию.

* * *

Вернувшись в Москву, Савелий Родионов поселился близ Хитрова рынка, около Покровского бульвара, где стояли роскошные особняки Морозовых, Хлебниковых, Расторгуевых.

Нищета всегда соседствует с богатством, и освещенные переулки бульвара еще больше подчеркивали ничтожество обитателей Хитровки.

Поначалу Савелий хотел перебраться в Санкт-Петербург и навсегда забыть о своем прошлом. У него хватило бы средств, чтобы вести жизнь удачливого фабриканта или богатого рантье, поддерживать о себе легенду, как об утонченном господине, воспитанном на западных вкусах, понимающем и любящем живопись, балет, но он чувствовал, что пьяная и развратная Хитровка не желает отпускать его даже теперь. Поживая в Берлине, Савелий не мог предположить, что способен вернуться в болото Хитрова рынка через много лет. Савелий напоминал осетра, который, поплавав по многим морям и рекам, возвращается в свой махонький, едва пробивающийся из-под камней ручей, который некогда сумел подарить ему жизнь.

Даже вся великосветская Европа не имела того очарования, которое он находил в маленькой, темной Хитровке. Самые изысканные рестораны не могли ему заменить непритязательных кабаков Хитрова рынка. А барышни Хитровки отдавались с куда большей страстью, чем утонченные парижские гетеры с площади Пигаль.

Однако Савелий не мог не понять, что он уже не тот мальчик – бедовый и пронырливый, что заставлял смеяться над своими шутками весь Хитров рынок. Он оторвался от торговых рядов высоко, как орел, оставивший навсегда отчее гнездо. А шутка с мышью, подброшенной в кадку со сметаной сварливой торговке, теперь вызывала у него только печальную улыбку. Он стал другим.

В этот раз на Хитровку Савелий явился тайно – Парамон Миронович отправил нарочного в дом и просил его прибыть немедленно.

Хитров рынок меняться не умел. Как и всегда, площадь окружали старые двухэтажные деревянные дома, больше напоминающие лабиринты, казалось, они были созданы для того, чтобы заманить в глухие закоулки доверчивого купца. Здесь на его глухих улицах затерялась не одна невинно убиенная душа. Хитровка напоминала старуху, которая, однажды одряхлев, стареть уже не умела, только морщины на ее лице становились все глубже, а пигментные пятна все темнее.

Савелий шел не спеша, поглядывая вокруг. Ему показалось, что Свиный переулок даже в пору его детства бывал не таким зловонным, как ныне, да и луж было не такое огромное количество, и каждую из них сейчас нужно было преодолевать едва ли не вплавь.

И все-таки эти тупички были куда ближе, чем гранитный паркет европейских площадей.

В одном месте навстречу Савелию вышел мужчина двухметрового роста. Он заслонил могучей рукой дорогу и слезно пожаловался:

– Жизнь у меня скверная, барин, ты бы уж не пожалел для меня кошелька. – И уже погромче, нагнетая жути, добавил: – А то ведь места здесь глухие, обратной дороги можешь не сыскать.

– А ты, Степан, не изменился, – по-приятельски хлопнул великана по плечу Савелий. – Все так же грязен. Неужели не признал?

– Господи, неужели это ты, Савушка... Савелий Николаевич! – перепугался громила. – Помилуй меня, Христа ради! Не погуби! Не говори о моей дерзости Парамону Мироновичу, ведь погубит меня старик!

Великан мгновенно уменьшился до размеров нашкодившего мальчишки, и если бы Савелий схватил его сейчас за ухо и стал бы трепать, как шалуна, то воспротивиться наказанию у Степана не хватило бы духа.

– Ну что ты, Степушка, успокойся, как же ты об этом посмел подумать? Ведь мы же с тобой друзья! А помнишь, как ты меня драться учил? Не однажды пригодилась мне твоя наука.

– Господи, не забыл ты этого, барин, – расчувствовался Степан, едва ли не пуская слезу.

– Да какой же я тебе барин, Степушка, зови меня, как и раньше, Савелием.

– Как прикажешь... Савелий, – поклонился громила и, шагнув в черноту, растворился в стене здания.

Дом Парамона Мироновича выделялся среди прочих строений особенной изысканностью, какая отличает разодетого франта, случайно оказавшегося в толпе нищих. Подъезд встретил его не запахом испражнений, а помпезной роскошью, какую можно встретить в министерских парадных. Савелий бы не удивился, если б сейчас дверь распахнулась и из гостиной вышел бы не урка с волчьим взглядом, а вышколенный швейцар с огромной бородищей по пояс, в ливрее и белых перчатках и, улыбнувшись словно пожалованному рублю, молвил: «Здрасьте, Савелий Николаевич, его сиятельство вас дожидается!»

В самом углу первого этажа, под яркой лампой, четверо уроков играли в очко. Азарт был настолько велик, что они не сразу заметили вошедшего, а когда в госте узнали Родионова, покорно положили на стол карты и шумно поднялись. Сейчас они напоминали добропорядочных граждан, встающих при появлении генерал-губернатора.

– Савельюшка, давненько тебя здесь не было, – проговорил урка лет пятидесяти, прозванный Занозой, худой и скрюченный, как осенняя ветка. – Парамон Миронович два раза о тебе справлялся. Если бы через пятнадцать минут не появился, пошел бы тебя искать. Сам понимаешь, Хитровка – не Александровский сад, здесь всякое может случиться.

Сейчас он напоминал заботливую няньку, пекущуюся о несмышленном домочадце. Невозможно было поверить, что этот теплый голос принадлежит беглому каторжанину, на счету которого несколько загубленных душ.

Савелий хотел ответить, что было бы обидно помереть на пороге собственного жилища и что на случай возможных недоразумений он всегда держит в правом кармане сюртука аккумуляторный махонький «вальтер», купленный по случаю в Берлине.

Однако, подумав, произнес:

– Хотел посмотреть, не увязался ли кто за мной. Вот поэтому пришлось немного поплутать. – И, глянув на гору «красеньких», возвышающуюся в центре стола, добавил: – А вы играйте, господа, вижу, что кого-то ожидает неплохой банк.

Парамон Миронович встретил приемыша грубовато-ласково. По-медвежьи тиснул его за плечи, а потом пожаловался на судьбу:

– Одиноко мне здесь, Савельюшка, ни одной родной души вокруг. И ты совсем забыл старика. Мальчонкой был, так все, бывало, на колени просился, а как подрос, так совсем перестал являться.

– Прости меня, Парамон. Дела! – коротко отреагировал Савелий.

Отношения между хозяином Хитровки и приемышем, установившиеся много лет назад, совсем не претерпели изменений, и Савелий обращался к Парамону Мироновичу просто, будто старик был его давним приятелем.

Старик ослабил объятия и произнес:

– Знаю я твои дела. Наслышан! Далеко ты шагнул, Савелий. Я тебя в Европу за знанием отправил, хотел, чтобы ты в «сиятельства» вышел, а ты за границей еще больше дури набрался.

Не думал, что твое баловство с открыванием ларчиков в ремесло перерастет. А помнишь, как ты у меня шкатулку отмыкал?

Парамон Миронович подвел приемыша к глубокому креслу и мягко усадил. Савелий положил руки на подлокотники, и пальцы почувствовали прохладу мягкой кожи. Дорогая, красивая вещь. Впрочем, старик всегда ценил богатство и в его просторных комнатах можно было увидеть не только персидские ковры, но и китайские фарфоровые вазы, что еще вчера украшали витрины столичных магазинов. Парамон Миронович не раз шутил, что в его жилах течет кровь великосветского вельможи, который готов променять все свое состояние на антикварные безделушки. Савелий невольно улыбнулся:

– Помню, как же позабыть такое!

Первый раз Савелий открыл шкатулку у Парамона в восемь лет, когда искал обещанные конфеты. Не обнаружив ключа, он сунул в замочную скважину спицу. Замок неожиданно сработал, и крышка шкатулки отворилась, потревожив комнатную тишину мелодичным вальсом. Услышав музыку, из соседней комнаты появился Парамон, но, заметив приемыша, он широко улыбнулся:

– А ты ловок! Видно, далеко пойдешь. На вот, возьми за труды. – Старик запустил в распахнутую утробу шкатулки костистую руку и вытащил горсть шоколадных конфет.

Савелий ожидал чего угодно: шлепка, грубого окрика, возможно, осуждающего взгляда, но только не награды.

– Спасибо, Парамон.

– Сам догадался?

– Сам.

– Молодец!

С этого дня Савелий не расставался со спицей и пытался открыть каждый замок, а уже через месяц в комнате Парамона не нашлось ни одной шкатулки, которую бы приемыш не сумел отомкнуть.

Поначалу Савелию плохо поддавались входные двери, и здесь Парамон пришел на выручку приемышу. Он достал из кармана огромный толстый гвоздь, загнутый в виде крючка, и пояснил:

– Такая вещица называется отмычкой. Она для таких дверей, как моя. Возьми! Глубоко не суй, крюк держи у левой сторонки, как нащупаешь язычок замка, слегка поверни отмычку, и замок непременно откроется. Только не суетись, здесь спешка не нужна.

Даже сейчас Савелий ощущал на пальцах шероховатость первого орудия взлома. Он подошел к двери, сунул крючок в скважину и, слегка нажав, повернул.

Замок весело щелкнул.

– А ты молодец, – протянул старик. – Вижу, что из тебя знатный медвежатник получится. Только я для тебя другую долю вижу. Учись, Савелий, денег на твою учебу жалеть не буду, а там, может быть, еще и в большие люди выйдешь. А учителя тебя хвалят, говорят, до знаний ты шибко способен, особенно в арифметике. Это хорошо, всегда важно уметь капиталы считать. А в нашем деле это занятие первостепенное. Бухгалтерия, одним словом.

Савелий был горазд не только в точных науках. Отныне он постоянно усовершенствовал отмычки и в его карманах позванивали с десятков гвоздей. И скоро на всей Хитровке невозможно было найти дверь, которую бы он не распахнул. Даже урки обратили внимание на смекалистого Савелия, и если бы не покровительство Парамона Мироновича, то малолетний Савелий давно был бы в подручных у громил Хитровки.

– Есть у меня к тебе разговор, только не хочу его начинать вот так... с порога. Давай перекусим. Я тут ужин заказал, надеюсь, что он придется тебе по вкусу. Или твой желудок к европейским изыскам привык? – подозрительно посмотрел старик на приемыша.

Парамон признавал кухню исключительно ресторана «Эрмитаж». Кроме отменных французских блюд ресторанный сервис мог предложить номерные бани, и Савелий был наслышан, что старик частенько наведывается туда подышать паром вместе с двадцатилетней красоткой, прозванной на Хитровке за вкрадчивый тоненький голосок Душечка Дуня. А банщики, зная, что перед ними хозяин Хитровки, не стесняясь, величали его княжеским титулом.

– Не привык, Парамон, разве может даже самое изысканное заморское блюдо сравниться с нашими щами?

Савелий улыбнулся, подумав, какими ласковыми словами тешит молодую особу престарелый Парамон.

В доме женских рук старик не признавал, а потому в комнатах у него убирали два могучих молодчика, которые когда-то служили в гостинице «Славянский базар» половыми. Они и вправду были большими аккуратистами, и уличить их в небрежности было столь же пустое занятие, как искать темные пятна в первом выпавшем снеге.

Несмотря на богатырскую статью, половые были незаметны и напоминали вышколенных собак, выполняющих сложные трюки за кусок сахара в цирке шапито. Через минуту стол был уставлен хрустальными блюдами с устрицами, страсбургскими паштетами, а в самом центре возвышалось огромное блюдо с салатом оливье, до которого хозяин Хитровки был особенно охоч.

– Не люблю я все эти изыски, Савушка. По мне так гречневая каша с молоком куда вкуснее всех этих заморских деликатесов, – говорил Парамон всерьез. – Знаю, что твой желудок утончен, вот и постарался!

Савелий не пытался скрыть лукавую улыбку. Он хорошо знал Парамона, который порой любил пококлетничать, как юная хорошенькая гимназистка: он любил представиться эдаким простаком с грязной Хитровки. Хотя всем было известно, что предпочитает Парамон только благородную пищу, а пьет вино исключительно из подвалов французских королей и выковыривает нежное мясо из панцирей омаров так искусно, как будто всю жизнь провел на Лазурном берегу.

– А знаешь, Парамон, я ведь в Европе скучал по русским щам.

– И то верно! – охотно соглашался Парамон Миронович, с аппетитом жуя котлету «Помпадур». – Все это гадость французская, разве ее можно есть?! Тьфу! – Старик сунул очередной кусок в широко распахнутый рот. – А ты понюхай, Савельюшка, ихнего пойла, – Парамон налил себе в бокал искрящегося крепленого вина. – Да от него сивухой прет! Я удивляюсь, как эти помои французские короли пивали. Иное дело наша медовуха! И польза для организма большая, и в голову так ударяет, что ногами потом шевельнуть невозможно. – И Парамон одним махом выпил вино, а затем, скрывая удовольствие, так горько поморщился, как будто проглотил не восьмилетний шато-лафит, а настой валерьяновых капель. – Видал, какая гадость! Всю рожу мне скрутило. А ты ешь, Савельюшка, и извиняй меня, если корм не в коня.

Савелий съел сначала стерляжью уху, потом не торопясь отведал страсбургских паштетов и лишь затем отпил вина. Парамон Миронович любовно наблюдал за приемышем, точно так смотрит кормящая мать на младенца, когда он высасывает грудь, полную молока.

Промокнув салфеткой рот, Савелий спросил:

– Так зачем звал, Парамон?

– Ведомо ли тебе, что за поимку потрошителя сейфов банкиры обещались дать полмиллиона золотом? – уважительно пропел старик.

– Читал я об этом, – безразлично отмахнулся Савелий, – только они меня недооценивают.

– А знаешь ли ты, что кое-кто подозревает, что это твоих рук дело?

– И кто же меня подозревает?

– Знаешь ли ты, Савельюшка, такого Григория Васильевича Аристова?

– Мне ли его не знать, Парамон? Этот человек возглавляет розыскное отделение московского департамента полиции.

– Верно. Так вот, этот самый Аристов внедрил своих соглядатаев даже на Хитров рынок. Один из них больно неосторожен был. Все расспрашивал о тебе: кто ты, чего ты, откуда ты?

– Как же ты его не распознал раньше?

– А разве за всеми бродягами уследишь? – печально развел руками Парамон Миронович. – И кто их знает, что они делают подле Хитровки: милостыню просят или за нами всеми наблюдают. А за такие деньжищи, что за тебя назначили, не то что бродягу, честного урку на грех потянет. Так вот что я хотел сказать тебе: та бумага написана Аристову, а в ней рассказывалось, что есть подозрение, будто Савелий Родионов, приемный сын старика Парамона, и есть разыскиваемый медвежатник. В этой ябеде он описал все твои детские подвиги с замками и отмычками. Упомянул и Берлин, где был ограблен не один банк. Вот так-то, Савелий!

– И где же этот доносчик? – мрачняя, поинтересовался Савелий.

– О нем ты больше не беспокойся, сейчас его ангелы опекают. Больше его не найдут.

Савелию не составило труда представить, как двое дюжих молодцов сбрасывают неподвижное тело в глубину спускного колодца. И возможно, сейчас его бесталанный труп полочится где-нибудь в зловонии Неглинки.

– Понимаю.

– Так что будь втройне осторожен, сынок. Не исключено, что за тобой наблюдают.

Аппетит сразу пропал, и даже филе из куропатки, которое Савелий предпочитал всем остальным гастрономическим изыскам, показалось ему пресным.

Старик как будто не замечал перемену в настроении приемыша. Он с особым удовольствием макал куски ветчины в острый провансаль и поглощал их так аппетитно, словно это был последний ужин в его жизни.

– Я думаю, тебе нужно укрыться на время. Хитровка для этого самое лучшее место. Уверяю, о тебе никто не будет знать. А потом, когда все немного поутихнет, ты займешься тем, чем пожелаешь. Таковы правила игры, сынок.

– Нет, Парамон, это не по мне. Порой, чтобы сорвать куш, нужно играть не по правилам. Я знаю, что нужно делать. Спасибо, что предупредил.

Старик нахмурился, отодвинул от себя тарелку:

– Рад был повидать тебя, Савельюшка. Если потребуется помощь, дашь мне знать.

Савелий поднялся, стряхнул с брюк крошки рыбного расстегая и отвечал:

– Спасибо за трапезу, Парамон.

После чего неслышно притворил за собой дверь.

Глава 5

Целую неделю Григорий Васильевич Аристов прожил в предвкушении удачи. На пятницу была назначена большая игра в роскошном особняке княгини Гагариной. По заведенной традиции в этот дом сходились именитейшие богачи города, чтобы схлестнуться за карточным столом, и в разгар игры на кон ставились речные баржи, имения, заводы. Вместе с богатейшими купцами, которым в радость за один присест проиграть десятки тысяч, как всегда, будет масса средних дворянчиков, мечтающих выиграть у светского ротозея четвертной. Это не соперники. Иное дело – разорившиеся графья, которые являются в подобные дома только с одной целью – обыграть! Некоторые из них настолько преуспели в игорном бизнесе, что сумели сколотить состояние и скупали особняки в центре Москвы с той легкостью, с какой в свое время транжирили родовые богатства спившиеся помещики.

Это были шулера высочайшей пробы, которые перебирались из одного салона в другой и присутствовали всегда там, где водились огромные деньги. На это у них был утонченный нюх, который может присутствовать разве что у пчелы-медоносицы, отыскивающей среди множества пахучих цветов самый сладкий нектар.

Григорий Васильевич знал, что многие завсегдатаи светских салонов забирались в такие темные притоны Хитровки и Сухаревки, куда не смеет появляться даже дюжина громил, вооруженных кастетами. Они были своими людьми везде, где шла большая игра. Некоторые из них даже держали притоны, куда заманивали сластолюбивых иностранцев и сибирских промышленников, ищущих развлечений в вольном воздухе столицы, а волоокие красотки охотно помогали гостям освобождаться от обременительных сбережений. Несмотря на любезные улыбки и светское обхождение, подобные люди были опасны и могли не только выманить последний грош, но и, подкупив громил, расправиться с неудобным человеком в дремучем уголке Москвы.

Они были завсегдатаями и в притонах, и в светских салонах. Но даже от урок они требовали к себе уважительного обхождения с обязательным упоминанием титула. Аристов и сам бы поиграл в таком притоне, где минимальная ставка составляла тысячу рублей. Но можно только представить удивление воров, когда они увидят генерала полиции за своими столами.

Совсем иной публикой были купцы, захаживающие в салоны лишь затем, чтобы трянуть тугой мошной и весело проиграть многие тысячи. Не было для них большей радости, чем бахвалиться друг перед дружкой солидным проигрышем. Купцы были нахальны, веселы и вели себя в великосветских салонах, как в собственной торговой лавке. И если они западали на красивую хористку, то непременно совали ей в ладонь хрустящую «катеньку» и уговаривали провести вечер в номерах.

Бывали среди гостей и молоденькие офицеры, которые приглашались лишь затем, чтобы скрасить одиночество стареющих дам. Всегда безденежные, юные поручики добирались до богатых домов на извозчиках и скупно рассчитывались темными пятаками. Многие из них в великосветских салонах находили себе влиятельных покровительниц и вот тогда начинали сорить деньжатами, не уступая в расточительности купцам-миллионщикам.

До особняка князей Гагариных Аристов доехал на барских запряжках. Извозчик, молодой веснушчатый парень, азартно погонял откормленного мерина и громко орал:

– Гра-а-а-бя-я-а-ат!

Прохожие, услышав отчаянный вопль, буквально выпархивали из-под копыт разгоряченного животного, а молодец, не обращая внимания на злобные выкрики, продолжал погонять дальше.

– Приехали, ваше сиятельство! – потянул извозчик за поводья, едва не разрывая удилами пасть мерина. – Это парадные князей Гагариных.

– Дурень ты, голубчик! Это я и без тебя знаю. Вот держи за хлопоты, – и Григорий Васильевич сунул рубль в ладонь парню.

– Покорнейше благодарю, – опешил от барской щедрости молодчина. – Рад был услужить. Ежели пожелаете, ваше сиятельство, с ветерком прокатиться, так я всегда на Страстной площади стою. Мишуткой меня кличут.

– Непременно разыщу, Мишутка, – ответил Григорий Васильевич и, взмахнув тростью, преодолел первую ступень высокого крыльца.

– Грабю-ю-ют! – заорал извозчик, и запряжка, громыхая железными ободами о булыжник, скрылась за углом.

Этот день для Григория Васильевича выдался сложным.

Утром ему позвонила приятельница, вдовая дворянка, с которой он очень весело провел последний год. И, назвав его ничтожеством и волокитой, заявила, что между ними все кончено. Со злорадством она заметила, что ее руки добивается один богатый промышленник, который обещает устроить свадебное путешествие по Европе. Слушая ее злобный выговор, невозможно было поверить, что две последние ночи он провел в ее теплой постели и что расставались они трогательно, как голубь с голубкой.

В обед он был на совещании у директора департамента, а это обстоятельство тоже не прибавило настроения. Господин Ракитов всегда говорил тихо, но его реплики могли прозвучать так зловеще, что окружающий воздух заряжался электричеством, и порой казалось, что достаточно всего лишь неосторожно моргнуть, чтобы пространство комнаты разорвалось грозовыми молниями.

Всю неделю Григорий Васильевич думал о последнем ограблении. Много в этом деле ему показалось странным: в первую очередь, непонятная потасовка, которую организовал нищий на глазах у городского, а потом исчезновение барышни, с которой банкир обедал в продолжение полутора часов.

Именно в это время и произошло ограбление!

Ясно одно, что неизвестный необычайно изобретателен и обладает удивительными руками. Это нужно знаться с нечистой силой и быть гением, чтобы в несколько минут справиться не только с сигнализацией, но и отомкнуть замок сложнейшего сейфа.

Очень интересно было бы встретиться с подобным экземпляром человеческой породы.

Григорий Васильевич имел широкую агентурную сеть, среди его агентов были не только обыкновенные домушники, выторговывающие у крепкой власти некоторые поблажки на случай возможного отступления за черту закона, но также и светские дамы, которые готовы были давать любую информацию о своих посетителях, лишь бы их тайные любовные привязанности не стали достоянием газетчиков, а ревнивый муж по-прежнему пребывал бы в состоянии приятного неведения. Особенно ценились агенты-проститутки, по той простой причине, что в публичные дома заходили не только беглые каторжане, но и благородные судьи. Но более всего Григорий Васильевич Аристов ценил осведомителя по кличке Никанор. Этот агент обладал талантом перевоплощения, он одинаково правдоподобно смотрелся как в стоптанных башмаках, так и в смокинге английского покроя. Три недели назад он сумел прибиться к группе нищих, которые проживали в одной из богаделен Хитровки. По запискам Никанора, которые Аристов получал через посыльного, следовало, что он вышел на верный след. За два десятка лет совместной работы он не ошибся ни разу, и его предположения были точны, как приговор присяжных. Никанор писал, что через несколько дней он подаст медвежатника к столу его сиятельства и уж затем Григорию Васильевичу решать, как следует откусать этого сукиного сына. А еще через неделю посыльный передал ему неприятную новость: Никанор исчез в трущобах Хитровки, словно камень, брошенный в воду, и найти его можно только в нечистотах Неглинки.

Интуиция опытного сыщика подсказывала Григорию Васильевичу, что тайна скрывается именно в темных переулках Хитрова рынка. Возможно, притоны сумели родить тонкий изобретательный преступный мозг, который способен преподнести еще немало неприятных сюрпризов.

Григорий Аристов небрежно скинул на руки швейцару пальто, и старик, признав в госте начальника розыскного отдела, так низко поклонился, будто в его руках был не потертый драп, а чаевые в несколько тысяч рублей.

Гостиная была переполнена: дамы были в вечерних декольтированных платьях, мужчины в смокингах, на двух гостях он увидел мундир штатского генерала благотворительного общества и, присмотревшись, узнал в них хозяев известных публичных домов. Господа так мило улыбнулись Аристову, будто признали в нем одного из своих постоянных клиентов.

– Боже мой, кто к нам пожаловал! Как мы вам рады, Григорий Васильевич, – вышла навстречу Аристову хозяйка дома. – Я так по вас соскучилась, – кокетливо опустила она густые ресницы. – Дайте слово, что не оставите меня сегодня.

Аристов справедливо решил, что близок к тому, чтобы одержать новую победу.

Анне Викторовне было почти тридцать – возраст, когда женщина теряет девичьи черты и с тоской смотрит в зеркало, отмечая, что кожа на лице уже не так свежа, а у глаз тоненькими трещинками разбегаются морщины. Однако это то самое время, когда природа наделяет женщину настоящим совершенством, а прежняя угловатость приобретает грацию, придавая ее фигуре плавность очертаний. Она была умной и умелой хозяйкой, и каждый гость в ее присутствии ощущал теплоту камина. В свете поговаривали о том, что до замужества она пережила два бурных романа, последний из которых едва не закончился ее побегом за границу с юным корнетом.

Престарелый князь Петр Гагарин потерял интерес к супруге, едва священник освятил их брак, и молодая женщина научилась развлекаться самостоятельно. Она устраивала балы, о которых потом говорила вся Москва, организовывала представления, а карточная игра в ее салоне шла настолько серьезная, что по накалу не уступала первоклассным казино.

Князь не любил шумных сборищ, и, когда супруга организовывала очередной банкет, он вежливо откланивался и съезжал к старой приятельнице, и в вечерней тишине давние любовники предавались милым воспоминаниям о бурной молодости. Это обстоятельство давало возможность Анне Викторовне чувствовать себя свободнее, и она, совсем не скрывая душевных привязанностей, кокетничала с молодыми людьми и, случалось, назначала им свидания.

Поговаривали, что число любовников у нее значительно превышает количество бриллиантов в ее любимом колье.

Григорий Васильевич посмотрел на выпуклую грудь княгини и понял, что ему не удастся сосчитать бриллианты на огромном колье даже за неделю. Он наклонился к белой ручке и едва коснулся губами кончиков пальцев.

– Как же я могу отказать вам, княгиня?

Аристов подумал, что ему суждено быть всего лишь махоньким тусклым камешком в ее богатейшей коллекции.

Наконец игровая комната была приготовлена, и мужчины, подавляя нетерпение, проследовали к столам. Григорий Васильевич был противником устоявшихся компаний, чаще всего он предпочитал обыгрывать людей малознакомых, и потому, когда на свободное место попросился молодой мужчина с аккуратной коротенькой бородкой, он возражать не стал.

– Савелий Николаевич Родионов, – коротко представился игрок.

Откинув обеими руками полы фрака, он с грациозностью опытного пианиста опустился на стул.

В первую же игру Григорий Васильевич проиграл пятьсот рублей, потом еще тысячу, однако неприятность не мешала ему улыбаться с любезностью мецената, пожертвовавшего

огромную сумму в богоугодное заведение. В кармане у него лежало еще пятнадцать тысяч, и это обстоятельство позволяло Аристову чувствовать себя вполне спокойно.

Весь банк забирал Савелий Родионов, и проделывал он это с ленцой человека, привыкшего выигрывать многие тысячи. Однако на шулера он не походил, хотя руки у него были ухоженные, как у скрипача-виртуоза. В глазах нового знакомого отсутствовал алчный огонек, который всегда выдает картежника высшей пробы. Он как будто бы даже стеснялся своего везения, и весь его вид говорил о том, что если партнеры изъявят желание забрать деньги, то он не посмеет отказать в столь невинной просьбе.

Справа от Григория Васильевича сидел полковник, который со дня на день ждал генеральского чина и понемногу скапливал деньги, чтобы отметить с сослуживцами этот праздник. Григорий Васильевич был уверен, что после сегодняшнего вечера у полковника не хватит денег даже на хромовые сапоги. Напротив огромной мрачной горой возвышался тайный советник, который каждую неделю проигрывал по целому состоянию, и если бы не крупные взятки, что он ежедневно получал от бесчисленных просителей, то уже давно бы заложил выходной сюртук. Товарищ министра, в отличие от полковника, скрывать настроение не умел, и, когда Савелий Родионов небрежно спихивал деньги на край стола, он так пыхтел, как будто тот запускал руку в его собственный карман.

Первым поднялся Григорий Васильевич:

– Извините, господа, но сегодняшних впечатлений для меня достаточно. Еще одна такая игра, и у меня не останется денег, чтобы нанять извозчика.

– Знаете что, я тоже, пожалуй, отыгрался. Выпью бокальчик шампанского, в моем положении это весьма эффективное средство для поднятия духа, – отозвался полковник.

– Мне ничего не остается делать, как последовать за вами. Если вы не возражаете, я составлю вам компанию, – грузно поднялся товарищ министра и, не глядя на Савелия, заколопил вслед за полковником.

Настроение у него было прескверное, тайный советник рассчитывал если уж не проиграться, то хотя бы продержаться за карточным столом до полуночи. Лишившись развлечения, ему теперь ничего более не оставалось, как идти пить шампанское.

Савелий посмотрел на Аристова и виновато улыбнулся. Григорий Васильевич вдруг подумал, что он совершенно ничего не знает о своем новом знакомом. Однако этот молодой мужчина ему нравился все больше. В Савелии Родионове чувствовалась порода, которую невозможно было имитировать английским костюмом и заученными манерами.

– Я вижу, вы в затруднительном положении, – вдруг произнес Савелий Родионов. – Если не возражаете, я мог бы одолжить вам... Двадцать тысяч вас устроит?

Григорий Васильевич боролся с собой несколько секунд, а потом, не сумев справиться с искушением, осторожно, как будто опасался обжечься, взял пачку банкнот за самый краешек:

– Премного благодарен. Я верну вам эти деньги... завтра. Где мне вас можно найти?

– Можете не торопиться, а отыскать меня можно вот по этому адресу, – и Савелий протянул визитную карточку. – Теперь позвольте откланяться. Дела, знаете ли!

– Я, пожалуй, тоже пойду. – Аристов отошел от стола.

– Как вам не стыдно! Вы обещали не оставлять меня, а сами целый вечер играете в карты. Теперь я вас не отпущу, – подошла Анна Викторовна и, обиженно поджав губы, взяла Аристова под локоть.

– Ну что вы, больше я от вас ни на шаг. Наигрался! Аннушка, дорогая, а вы не подскажете мне, что это за молодой господин? – качнул головой Аристов в сторону удаляющегося Савелия.

– О! Это очень состоятельный человек. Промышленник, а еще меценат.

– Вот как! – удивленно выдохнул Аристов.

– А теперь я хочу танцевать. Слышите? Оркестр играет мой любимый вальс.

– Тогда поспешим в танцевальную немедленно! – Аристов коснулся оттопыренного кармана и почувствовал хруст сторублевых купюр.

Глава 6

В этот вечер «Эрмитаж» гостей не принимал. Половые стояли у входа и, как могли, извинялись трубными голосами перед завсегдатаями ресторана:

– Сегодня, барин, ну никак нельзя. Занято нынче все у нас.

– Позвольте, голубчик, как это – все занято?! Я вижу, свет горит только в банкетном зале!

– Так-то оно так, барин, но только господа банкиры заплатили сразу за весь дом и велели их не тревожить.

– Вы слышали?! Это безобразие! Хотя бы в «Русских ведомостях» сообщили. – И раздраженный «барин» шел прочь, понимая, что вечер безнадежно потерян и вместо филе-портюгез придется давиться сухими рыбными расстегаями в каком-нибудь дешевеньком ресторанчике.

Иной опьяневший дворянчик, обиженный отказом, пытался протиснуться между дюжими половыми, чем напоминал воробья, прыгающего между голубями. И тогда рослые детины неторопливо вытаскивали громадные руки из-за поясов, всем своим видом давая понять, что еще один такой наскок – и пройдоху придется прихлопнуть, как надоедливый комара.

Извозчики у «Эрмитажа» не задерживались и, погоняя лошадей, спешили к «Славянскому базару», где купец первой гильдии Елисеев отмечал совершеннолетие младшей дочери.

Вот где ждут настоящие чаевые!

Улицы оглашались залихватскими голосами удалыцов:

– Караул!! Разбегайсь!

В этот вечер столы были накрыты с особым изыском, под стать уважаемому собранию. В серебряных ведерках лоснилась черная икра. На саксонских блюдах дожидались своего часа руанские утки из Франции, красные селезни из Швейцарии и диковинная рыба-меч из темных глубин Средиземного моря. Пища удовлетворяла самым изысканным вкусам. Кроме традиционных котлет «Помпадур» и салата оливье многометровая белоснежная скатерть была заставлена прочими гастрономическими изысками: филе из куропатки, паштет «дипломат», в глубоких фарфоровых тарелках остывал суп из черепахи. Банкиры, небрежно сбрасывая на руки лакеям пальто, вальяжно входили в колонный зал «Эрмитажа».

Ресторанные половые, в атласных красных рубашках навывпуск, подпоясанные белыми полотенцами, усаживали уважаемых гостей в дубовые кресла. И, заискивающе заглядывая в озабоченные лица финансовых магнатов, льстиво интересовались:

– Водочки не желаете-с?

Получив положительный ответ, щедро плескали «Смирновскую» в хрустальные стопки.

Половыми распоряжался дядька солидной наружности. Звали его Аристарх Акимыч. На вид ему было лет пятьдесят. Черная, густая, хорошо ухоженная борода красноречиво свидетельствовала о том, что именно она является главным предметом его гордости и, судя по длине, была едва ли не ровесницей самого хозяина. К своей бороде Акимыч относился так же трепетно, как престарелый мужчина к своей юной любовнице.

Роста дядька был знатного, с коломенскую версту, и гладко чесанной макушкой едва ли не упирался в своды колонного зала. В Москву он подался лет сорок тому назад, притопав босым из Ярославской губернии. Акимыч начинал с того, что дежурил на московских окраинах, которые после дождя больше напоминали непроходимое болото. Первые гривенники он зарабатывал на том, что задавал экипажам нужное направление, выполняя роль некоего лоцмана. Позже Аристарх уяснил, что лоцманское дело для него слишком грязно, а потом капитала на нем не сколотишь. И он подался в половые. А еще через пять лет Аристарх сумел влюбить в себя дочку хозяина «Эрмитажа» – черноокуую девушку лет шестнадцати. Каждое воскресенье, когда родители уходили на богомолье, она отдавалась молодому красавцу с неистово-

стью византийской жрицы. Позже, когда связь их уже невозможно было скрыть и талия дочки стала напоминать стоведерный бочонок, батюшка – купец первой гильдии Нестор Модестович Невзоров – махнул на условности волосатой лапищей и дал смиренное благословение единственному чаду.

Таким образом, Аристарх Ермилов сумел заполучить не только красавицу жену, но и многомиллионное предприятие тестя.

Аристарх оказался натурой деятельной. Он вызвал архитекторов из Франции, которые в короткий срок переоборудовали «Эрмитаж», придав ему европейский лоск, и вскоре его ресторан сделался самым популярным местом в Москве.

При «Эрмитаже» имелась великолепная баня, где в роскошных номерах любили проводить время купцы-миллионщики со своими юными избранницами. Нередко случалось, что в кабинеты захаживали сиятельные особы из высшего общества в сопровождении таинственных незнакомок. И Аристарх Акимыч крепко стоял на страже репутации своего заведения и прилагал массу усилий для того, чтобы подобные встречи действительно оставались в секрете. Можно было не сомневаться в том, что ему известны многие тайны светского мира, но также абсолютно ясно было каждому, что ни одна тайна не упорхнет вольной птахой дальше грешных стен «Эрмитажа». Аристарх Акимыч не раз был свидетелем того, как старенькие князья, стараясь поддержать в себе угасающую мужскую силу, являлись в кабинеты с барышнями Бес-тужевских курсов, а преклонного возраста хозяйки светских салонов стремились воскресить радость жизни при помощи молоденьких юнкеров. Случалось, что заглядывали в сие заведение крупные фабриканты и генералы, но при этом каждый был уверен, что, воспользовавшись отдельным номером, он сумеет сохранить свою тайну не только от любопытствующих сослуживцев, но и от ревливой жены.

Банкиры тепло здоровались с Аристархом. Хлопали по крепкому плечу и обменивались краткими репликами, совершенно непонятными для постороннего слушателя. За каждым словом высвечивалась интереснейшая интимная история, которая, попади она в руки газетчиков, могла бы стать темой для разговоров во всех салонах Москвы.

– Вот что я вам скажу, господа, – произнес худощавый человек в дорогом темно-синем костюме. – Это уже становится неслыханным. За последние три недели из наших сейфов выгребли сотни тысяч рублей. Дело идет к тому, что банкам в Москве скоро перестанут доверять. А если так пойдет дальше, то скоро каждый из нас будет подыскивать себе место на бирже труда. Прямо скажу, очень неприятная перспектива.

Георг Рудольфович Лесснер был потомственным банкиром. И любил говорить о том, что прадед его приехал в Россию, имея в кармане всего лишь десять гульденов. А уже через пять лет он сделался едва ли не самым богатым человеком в Саратовской губернии. Именно тогда Лесснер основал промышленный банк, который скромно назывался «Лесснер и сыновья». Единственное, что не изменилось с далеких времен, так это вывеска. Последующие поколения немцев сильно обрусели, многие расстались с лютеранством ради православия, но продолжали многократно приумножать капиталы. Филиалы банков были открыты во многих странах Европы, по Волге разгуливала целая флотилия, принадлежащая компании, а в самой Москве они держали лучшие торговые места, где бойко шла торговля сибирским мехом и уральскими самоцветами.

Банкиры, сидевшие за столом, невольно заулыбались, Георг Рудольфович явно скромничал относительно своего состояния. Даже если взломщики ежедневно будут уносить из его сейфов по сто тысяч рублей, то он не обеднеет даже на десятую долю. Его состояние было немереным, и он ежечасно со скрупулезностью и педантичностью, доставшейся ему от скуповатых предков, продолжал приумножать капиталы.

– Насчет биржи труда вы, уважаемый Георг Рудольфович, малость погорячились, с вашими-то деньжищами! – отозвался банкир лет сорока, в его голосе прозвучали едва разли-

чимые насмешливые нотки. Своим обликом он напоминал быка – огромные глаза, казалось, были созданы для того, чтобы наводить на собеседника ужас, а широкий лоб нужен был затем, чтобы таранить несогласного, если диалог все-таки зайдет в тупик. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять – человек он упрямый и очень сильный.

– А что вы думаете, Матвей Егорович, кому, как не нам, должно быть известно, что копейка рубль бережет!

Матвей Егорович Некрасов принадлежал к крепкому племени замоскворецких купцов, успевших перерасти тесные лавки своих отцов, пропахших селедкой и керосином, и теперь успешно осваивающих новую сферу – банки. Действовали они всегда с напористостью, какую можно наблюдать у молоденьких щеголеватых приказчиков, пытающихся во что бы то ни стало всучить покупателю-ротозею залежалый товар.

В любом другом случае трудно было бы увидеть потомственных банкиров, отшлифованных европейским аристократизмом, в обществе замоскворецких купцов, у которых, несмотря на наличие фрака, торчали из рукавов мужицкие заскорузлые ладони. Разве что их мог объединить карточный стол, за которым они привыкли биться за каждую копейку, как если бы от ее наличия зависела их собственная жизнь.

– Господа, прошу вас не ссориться, – произнес седобородый старик сочным, почти юношеским голосом. – Мы с вами собрались здесь совсем не для выяснения отношений. Напомню, мы должны изловить мерзавца, который не дает нам спокойно работать. А потом это очень чувствительный удар по нашему личному престижу, по банковскому делу, наконец. Если с грабителем не в состоянии справиться полиция, так давайте сделаем это сами.

Старика звали Павел Сергеевич Арсеньев. Он был из столбовых дворян – тот редкий случай, когда голубая кровь больше предана собственной мошне, чем государю-батюшке.

– А что вы предлагаете? – неожиданно громко воскликнул Александров. – Мы уже испробовали все – современные сейфы, сигнализацию, – но эта шайка разбойников всякий раз удивляет нас какими-то хитроумными решениями. Знаете, когда произошло ограбление в моей банке, я обедал с дамой в ресторане. Я ее потчую шампанским, шоколадом, а в это самое время злодей преспокойно вскрывает мои сейфы.

Лица банкиров напряглись.

– Мне интересно знать, что они выдумают в следующий раз, – размахивал Александров руками, едва не опрокидывая стоящие на столе бутылки с сельтерской водой.

Петр Николаевич уже успел отведать расстегайчиков, и на его густых рыжеватых усах белой сединой прилипла рыбная крошка.

Павел Сергеевич погасил на лице улыбку и серьезно отвечал:

– Мы понимаем ваши негодования, милейший Петр Николаевич, но позвольте заметить, что не только вы оказались... как это сказать бы поделикатнее, в столь трудном положении, но и некоторые из присутствующих. А поэтому мы должны выработать план действий, как нам следует поступать дальше, – спокойным голосом отвечал Арсеньев, стараясь загасить закипающие эмоции. Он успел принять двести граммов «Смирновской» водки, и теперь его глаза юношески сверкали. Разбуженный желудок жаждал насыщения, и он скосил глаза на огромную тарелку паюсной черной икры, из которой вызывающе торчал серебряный половничек. – Насколько я понимаю, каждый из нас пользовался услугами английской компании «Матисон и К°», которая уверяла всякого, что изготавливаемые ею сейфы являются совершенно неприступными. Так вот, господа, я предлагаю следующий шаг: подать иск на этих шарлатанов. Мы разорим их! Пускай они покроют все наши убытки. Это главное. И нужно сделать все, чтобы с завтрашнего дня... – он вытащил из накладного кармана громоздкие часы в золотой оправе, нажал большим пальцем на махонькую кнопку и, когда крышка распахнулась с мелодичным звоном, добавил: – Прошу прощения... завтра... нет, у нас еще имеется время... с сегодняшнего дня... они не продали ни одного своего сейфа. – Арсеньев выждал паузу, осмотрел долгим

взглядом банкиров, хрумкающих салаты, после чего продолжал дальше: – Мы с вами казна, а значит, соль русской земли, и не позволим поступать так с собой впредь.

Банкиры согласно закивали. Лица у всех серьезные не то от сказанных слов, не то от первоклассной кухни «Эрмитажа».

Арсеньев предлагал коллегам собраться в своем кабинете, где напрочь отсутствовали бы такие отвлекающие факторы, как котлеты де-воляй и рябиновая настойка, но банкиры дружно запротестовали. По русскому обычаю серьезную беседу полагалось сдабривать хорошей порцией горькой, а потом плюс ко всему остальному «Эрмитаж» имел еще роскошные кабинеты, где можно было уединиться с дамами после изматывающего и серьезного разговора. Большая часть банкиров мгновенно рассосется по номерам, заказав предварительно с дюжину бутылок шампанского.

– Я предлагаю повысить вознаграждение за информацию о воре. Причем за любую, которая хоть как-то сумела бы вывести нас на него. А у нас хватит сил, чтобы разделаться с ним.

– Какую сумму вы предлагаете?

– Скажем, до ста тысяч. Для нас с вами, господа, деньги не особенно большие, но зато сыграют в деле немалую службу.

Среди именитых банкиров присутствовала и молодая поросль, которая едва набирала обороты. Эти с уверенностью полагали, что их банки находятся под куда большей охраной, чем сокровища фараона Тутанхамона, и с некоторым великодушием посматривали на неудачников, лишившихся в одночасье своих капиталов. Для них приглашение на подобное собрание было чем-то вроде признания их финансовой самостоятельности, и сейчас каждый из молодых банкиров больше думал о предстоящем развлечении, чем о туманной перспективе остаться когда-нибудь без гроша в кармане.

– Хорошо. Предположим, мы откажемся от англичан. Где нам тогда взять сейфы, которые были бы неуязвимы для вора? – подал голос Нестеров, отломив у жареной утки хрустящее крылышко. – Что, опять нам к немцам на поклон идти? Дескать, нет российского мастерового, чтобы пособить нам.

– Немцы нам не помощники, – махнул обреченно рукой Арсеньев, – у них у самих та же беда. Только мне даже любопытно, куда ему столько денег?

– Мне вот что думается: наши сейфы вор обчищает даже не из-за корысти, а из-за какого-то чувства азарта, – произнес Георг Рудольфович. – Все эти его розы, что он оставляет внутри, для какого-то непонятного шика.

Матвей Егорович повел бычьей головой, ткнул мельхиоровой вилкой в салат оливье и произнес:

– Скажите, Матвей Егорович, стало быть, те полмиллиона, что он взял у нашего уважаемого Петра Николаевича, все это детские забавы? Нет, дорогой Матвей Егорович, он любит денежки, вот оттого и устроил всю эту катавасию с отмычками. А сейчас съехал куда-нибудь в Париж и тратит наши накопления на каких-нибудь девиц.

Матвей Егорович разволновался.

– Деньги-то ему безусловно нужны, как и нам с вами, кстати, – улыбнулся Георг Рудольфович, – но наш медвежатник представляется мне весьма азартной и артистичной натурой. Чем-то вроде заядлого картежника, который будет просиживать деньги за карточным столом, пока не спустит их вовсе. Для него взлом сейфов, как некая игра, если хотите знать, так даже чем-то вроде игры ума. И мы должны воспользоваться этим.

– И как вы хотите воспользоваться этим? – боднул перед собой пространство сиденькой бородкой Арсеньев. – Дать ему возможность очистить другие сейфы?

Половые работали безукоризненно – проворными ящерицами шмыгали между столами, заменяя пустые тарелки очередными кулинарными изысками: запеченными угрями, гамбургскими котлетами, омарами.

Георг Рудольфович поддел ножом устрицу, пытаясь высвободить моллюска из крепкой известковой раковины, и, добившись желаемого, произнес:

– Я предлагаю устроить в Москве выставку сейфов. Для подобного мероприятия у нас с вами хватит средств. Во-первых, мы сумеем познакомиться с лучшими моделями, а во-вторых, у нас появится возможность увидеть нашего недруга собственными глазами.

– И каким же образом мы сумеем это сделать? – хмыкнул невесело Матвей Егорович.

– На выставке, разумеется, будут самые передовые модели, так вот, если кто из публики сумеет открыть сейф, так за это он получит премиальные... Ну, скажем, в триста тысяч рублей. Наш медвежатник не сможет устоять перед искушением, он непременно пожалует на выставку и решит продемонстрировать свое искусство. Разве может игрок остаться в стороне, когда на банке лежит такой куш?

– А знаете, господа, – произнес Арсеньев, – мне кажется, что Георг Рудольфович прекрасно разобрался в нашем незнакомце. Наверняка так оно и будет. Он без труда поймет, что мы бросили ему вызов, и захочет принять его. Осталось единственное – собрать вознаграждение.

– Господа, – громко подал голос Георг Рудольфович, – мне кажется, что с этим не стоит долго затягивать, и поэтому я предлагаю закончить дело сейчас. – Банкир поднял со стола небольшой колокольчик и позвонил. На мелодичную трель появился малый лет двадцати пяти с золотым подносом в руках. – Вот что, голубчик, мы тут сговорились кое о чем. Пройдись с этим подносом между господами и собери денежки.

– Слушаю-с, – охотно мотнул малый пышной светло-желтой гривой и, любезно согнувшись, заскользил вдоль столов.

– Господа, я специально не заостряю вопрос на конкретной сумме, просьба положить столько, сколько вам не жалко для благого дела.

Малый останавливался перед каждым банкиром и терпеливо дожидался, когда на блестящую поверхность падала очередная пачка сторублевых, после чего он слегка наклонял голову и проникновенно говорил:

– Благодарствую!

Взгляд у малого был шальной, глаза черные и дурные. Такие можно встретить у татя, что караулит купца на торговом перекрестке. И у каждого невольно закрадывалось сомнение: а не упрямчет ли половой деньги в собственную кубышку? Да и благодарит он подозрительно усердно, как будто деньги и впрямь сыплются в его личный карман, а не идут на богоугодное дело.

– Благодарствую, – все ниже наклонял голову половой, не в силах отвести цепкого взгляда от целой горы ассигнаций.

– Мы с вами люди торговые, господа, – произнес Георг Рудольфович, когда золотой поднос был торжественно водружен в самый центр стола, – и поэтому понимаем, что деньги любят счет. Так что давайте посчитаем, сколько же здесь набралось. Егорка! – окликнул он шального малого. – Ты бы оказал господам услугу, сосчитал бы, сколько деньжищ на подносе.

– Сделаем, ваше благородие! – качнул забубенной головушкой малый и, согнувшись едва ли не наполовину, под настороженными и строгими взглядами банкиров принялся перебирать деньги длинными ловкими пальцами пианиста. – Триста тысяч триста, ваше благородие, – отошел в сторонку малый и мгновенно уменьшился в росте.

– Я что предлагаю, господа... Одна часть этих денег пойдет на организацию выставки, а другая – на поощрительный фонд, – улыбнулся Георг Рудольфович, показав большие и крепкие

зубы. – Пускай эти деньги пока полежат у Аристарха Акимыча. Хозяин он крепкий, половые у него смышленные, так что лучшего места пока не найти.

Банкиры на мгновение оторвались от стола и одобрительно закивали:

– Отчего ж, пусть постережет.

Аристарх Акимович растянул губы в доброжелательной улыбке и с чувством заверил:

– Не сумлевайтесь, господа, все будет так, как надобно. – Аристарх скосил красноватые глаза в сторону россыпи «катенок».

– А теперь, господа, давайте закончим обед. А потом, как обещал Аристарх Акимович, нас ожидает развлечение. Знаете ли, барышни в Летнем саду уже дожидаются.

По залу пробежал понимающий смешок, шутка не была лишена серьезности.

Двое половых, слегка согнувшись под тяжестью, внесли в зал два ящика шампанского «Редер». Дорогое и крепкое.

– Выпивка, господа, за счет заведения. Пейте на здоровье.

Подарок оказался кстати.

Глава 7

Григорий Васильевич укоризненно посмотрел на молодого человека.

– Папеньке не говорить?! Да я тебя, поганца, на каторгу упеку за твои злодеяния. А ты – папенька! Пороли тебя, видно, маловато.

– Не порол меня папенька, – едва не хныкал детина лет двадцати. – Любил он меня.

– А надо бы, – с воодушевлением заметил Аристов, – нужно было бы спускать с тебя порты до колен при малейшей провинности да лупить прутьями по княжеской заднице. Может быть, голова поумнее была бы, – беспокойно вышагивал по просторному кабинету Григорий Васильевич. – Каторга живо из тебя человека сделала бы. Там неразумного не словами лечат, а хлыстом. Привяжут к лавочке и выпорют как следует. Иной каторжанин после таких нравоучений кровью исходит. Похрипит с недельку кровавыми пузырями, а там его и на погост относят.

– Ваше сиятельство, да за что же такое наказание, да разве бы я посмел?..

– Ты уже посмел, голубчик. И место твое на каторге. Разве я тебе не говорил в прошлый раз, что если еще ко мне попадешь, так я тебя этапом на Сахалин отправлю?

– Говорили, ваше сиятельство.

– Ну вот видишь, любезнейший, а свои слова я стараюсь сдерживать. В противном случае что будут говорить про меня в Москве? Дескать, Григорий Васильевич плут, каких еще божий свет не видывал, и даже вора наказать неспособен.

– Помилуйте, Христа ради, ваше сиятельство. Бес попутал! Даже сам не знаю, как и произошло, – обливался жарким потом юноша.

– Бес, говоришь? – в негодовании вскинул на середину лба густые черные брови Григорий Васильевич. – А в прошлый раз кто тогда тебя попутал?

– Ваше сиятельство, извиняйте, да пьян был до бесчувствия!

Григорий Васильевич наконец остановился в центре комнаты и затряс указательным пальцем.

– Ох, смотри, Сашка, дожدهшься ты у меня! Если на каторгу не отправлю, так вышлю к чертовой матери из Москвы! Будешь где-нибудь в Сибири с туземцами чудить. Они народ глупый и гостеприимный и твои похабные шутки не осудят!

Александр принадлежал к многочисленному и крепкому клану князей Голицыных, которые едва ли не во все времена терлись в самой близости царского трона. Некоторые из них были воеводами, становились дипломатами, один из них водил дружбу с Вольтером, другой служил воспитателем у Павла Первого, а Василий Голицын не только возглавлял Посольский приказ, но и шарил жаркой пятерней под исподней рубахой царицы Софьи.

Александр Борисович был тоже не без страстинки. Его не интересовала военная карьера, он был далек от точных наук, единственное, на что была способна его молодая и кипучая натура, так это заявиться пьяным в какой-нибудь известный бордель, запереться с двумя дамами до самого утра, а на прощание расколотить дорогие зеркала. Причем расправлялся он с мебелью исключительно по-княжески: подойдет к высокому зеркалу, окинет свою статную фигуру с головы до ног и по-простецки поинтересуется у швейцара:

– В какую цену такая прелесть, любезнейший?

– О, дорого! Почитай, на целую тысячу рубликов наберется.

Молодой князь в задумчивости поскребет набалдашником трости макушку, а потом безрадостно согласится:

– Дорого, любезнейший. А молоточек у тебя найдется?

– А то как же, господин, – живо отреагирует бородатый швейцар в желании услужить знатному гостю, авось лишний целковый на угощение отвалит.

Князь, заполучив молоток, прикроет рукавом лицо и что есть силы начинает колотить им по сверкающему стеклу. И пока швейцар стоит в оцепенении, он элегантно движением извлекает из портмоне две тысячи рублей и, вложив в руки дядьке, объясняется коротко:

– Здесь две тысячи, голубчик. Так что тебе вполне достаточно за беспокойство, – и, приподняв шляпу, величественно удаляется.

Экстравагантные выходки отпрыска княжеской фамилии сходили с рук из-за небывалой щедрости. Случалось, что выплачиваемая сумма в несколько раз превосходила стоимость разбитых зеркал. Возможно, и в последний раз безобразие удалось бы юному князю, но, после того как расколотил серебряным молоточком три огромных зеркала и сунул руку в карман, чтобы, по обыкновению, расплатиться за причиненное беспокойство, он вдруг обнаружил, что портмоне пусто, а мелочи в кармане набирается ровно столько, чтобы рассчитаться со швейцаром за прилежание и добраться в экипаже до маменькиного дома.

Подоспевшие половые со злорадством скрутили отроку руки, в сердцах настучали кулаками по аристократическому профилю и с крепким присловьем спровадили в департамент полиции.

Григорий Васильевич усиленно соображал, как же ему все-таки поступить с нерадивым княжичем. Ругаться с могущественной фамилией ему было не с руки. Многочисленные князья Голицыны были вхожи в высокие кабинеты и при желании могли задвинуть его на самый краешек России – караулить ссыльных. Аристов блефовал: он не мог отправить князя на каторгу, не в его силах было выслать его из Москвы, единственное, на что он был способен, так это запереть князя на несколько дней в каталажку вместе с беспаспортными бродягами, которые сидельца с голубой кровью примут за своего и в избытке добрых чувств станут лезть к нему с разговорами. Через несколько дней в княжеские хоромы он вернется пропахший и с огромным количеством вшей.

Генерал усиленно соображал, как следует повернуть создавшуюся ситуацию в свою пользу.

– А теперь ответь мне, светлейший, будешь ли еще бить зеркала в борделях?

– Ваше сиятельство, да чтобы я хоть раз!.. Да чтобы со мной еще хоть однажды подобное произошло! – яростно божился князь. – Да пусть у меня тогда руки отсохнут!

Подобные объяснения он выслушивал не однажды, особенно горазды на такие обещания были профессиональные карманники, мошенники разных мастей, даже убийцы могли так усердно клясться, что порой вышибали скупую слезу. Но чтобы князь! Интересно, где он такому научился, стервец? Но уж ясно, что не у базарной бабы, случайно опрокинувшей горшок с краской на мундир жандарма.

– Ладно, ладно, светлейший, верю, – смилостивился Аристов, голос его при этом заметно потеплел.

– Григорий Васильевич, да как же мне вас отблагодарить? – в чувстве поднялся юноша с кожаного дивана, раскинув руки. Еще мгновение, и статная фигура начальника розыскного отделения окажется в тесных объятиях князя.

– Полноте, полноте, милейший! – замахал руками Григорий Васильевич. – Ты, дружок, видно, позабыл, что я полицейский, а подобные услуги запросто так не делаются.

– Чего же вы от меня хотите? – Лицо князя выглядело обескураженным.

– Водку ты пьешь, в карты играешь, по борделям шастаешь. Так? – строго спросил Аристов.

Отрицать перечисленное было бы глуповато. Княжеский отпрыск неопределенно повел пухлым плечом и отвечал, слегка растягивая слова:

– Выходит, что так.

– Я, знаешь ли, голубчик, не всегда захожу в светские салоны, так ты бы мне рассказывал, кто сколько в карты проигрывает. Кто любит за женщинами волочиться, кто своего наследства дожидаться не может. Ну и прочую чепуху.

Князь вскочил.

– Позвольте, так вы что, хотите из меня агента сделать?! – Голос Александра Борисовича сорвался на визг. – Не бывало такого, чтобы князя Голицыны в филерах ходили.

– Ты бы сел, братец. – Рука генерала мягко опустилась на плечо князю.

Голицын неохотно сел.

– Ну, братец, – печально выдохнул Аристов, – если ты так рассуждаешь, тогда я тебе ничем помочь не смогу. Есть закон и есть государь император, – ладонью Григорий Васильевич указал на огромный портрет самодержца. – Так что давай под замок! Посидишь недельку-другую, подумаешь, а там видно будет.

Аристов взял в руки колокольчик, намереваясь вызвать охрану. Движения плавные – вполне достаточно для того, чтобы князь Голицын задумался крепко.

– Постойте!

– Ну, слушаю тебя, голубчик, – с любезной улыбкой произнес Аристов, по которой так и читалось: «Спекся, голубчик!»

В перерыве между игрой в карты и глубоким похмельем Григорий Васильевич с завидным усердием принимался за государственную службу. И тогда его пролетку, запряженную отличной парой рысаков, можно было встретить в самых разных кварталах Москвы. А нагнать страху Аристов умел. Кроме трубного баса он являлся обладателем породистых рысаков, и, заметив нетрезвого полицейского, любезно подзывал его: «Не сочти за труд, голубчик, подойди ко мне».

И когда провинившийся, холодея от страха и предстоящего наказания, приближался, генерал Аристов, демонстративно засучив рукав по самый локоть, с размаху бил ослушавшего в выставленную грудь. Рукоприкладство являлось далеко не самым худшим наказанием, случалось, он изгонял со службы без содержания, и оставалось тогда единственное – наниматься дворником к какому-нибудь богатому купцу.

В дни своей активности Григорий Васильевич нагонял немалый страх на игорные дома, катраны, даже публичные дома попадались под его руку, не знающую удержу. А хозяйки заведений, угадывая в нем тайного гостя, полушепотом предлагали самых смелых тружениц тела.

Своих людей глава уголовной полиции имел практически повсюду. Он знал, какие ставки делаются в катранах, что за люди заправляют на ипподромах и сколько рубликов многочисленные жучки кладут себе в карман после каждого забега. Единственный слой в обществе, о котором он имел самое смутное представление, был высший. И проникнуть в него было так же непросто, как обыкновенному мастеровому заполучить крест Андрея Первозванного. Многочисленные отпрыски Рюриковичей едва ли не зажимали от брезгливости нос, сталкиваясь с начальником уголовного розыска на светских раутах. Но чаще всего князья держались с полицейскими подчеркнуто вежливо, тем самым определяв надлежащую дистанцию между принципами крови и деревенским конюхом, случайно оказавшимся в барском тереме.

Почти все сведения из жизни высшего общества Аристов черпал со страниц светской хроники, которая пополнялась только благодаря гигантским усилиям вездесущих репортеров. Газеты были переполнены множеством сплетен, в которых подчас невозможно было отделить правду от лжи. Подобное занятие было трудоемким и неблагодарным, поди отдели зерна от плевел! Григорий Васильевич мечтал заполучить в среде аристократов надежного информатора и сейчас, когда случай сам спешил ему в руки, не желал отворачиваться от него.

Князек был слабоват. Оставалось еще чуть-чуть напустить на его хилую душу жути, продержать сутки в камере с представителями славного племени каторжан, и он дойдет окончательно.

Интуиция, выработанная за долгую службу в полиции, подсказывала ему, что медвежатник мог водить дружбу с самыми разнообразными людьми, чтобы, так сказать, поближе познакомиться с предметом своего профессионального интереса.

– Так ты решился?

– Да, ваше сиятельство.

– Ну вот и отлично, голубчик.

Григорий Васильевич с трудом сдерживал свое торжество. Осталось только новому агенту дать подобающую кличку и завести на него досье. Отныне в высшем обществе для него не будет существовать тайн. Надоело оставаться в неведении, отчего это самолюбивые князья предпочитают простреливать свои сиятельные лбы: надо думать, здесь не всегда замешаны женщины.

– А теперь, мой милый дружочек, подпиши вот эту бумажечку.

Григорий Васильевич подошел к сейфу, повернул ручку, извлек из него заранее отпечатанную бумагу и положил ее перед князем.

– Что это?

– О господи! Чего это ты так перепугался? – улыбнулся Григорий Васильевич. – Речь идет о самых обычных формальностях между работодателем и служащим. За свои сведения ты будешь получать очень неплохие деньги. Мы не обижаем своих агентов. Насколько я понимаю, посещение игорных домов стоит немалых денег. Ну-ну, не надо смущаться, мой любезный друг. Знаете, в молодости я сам был таким же бедовым. – Аристов сел в свое кресло. – Женщины, рестораны, прочие развлечения, – мечтательно протянул он. – Хочется везде успеть, все увидеть. А потом у нас ведь предусмотрена для подобных целей специальная смета. Я вам деньги, а вы мне расписочку. Мне ведь нужно будет отчитываться перед начальством. Вот эти клочки бумаги я буду аккуратно складывать в сейф. Не надо так беспокоиться, это всего лишь пустая формальность. Доступ к сейфу имею только я, а эти ключики я обычно всегда ношу с собой. И совершенно не нужно так волноваться: ни твой папенька, ни твоя маменька, а тем более никто из твоего приятельского окружения об этом ничего не будут знать. Скажем так, эта бумага будет нашей маленькой тайной. Ну как, договорились? Ну вот и славненько, – пододвинул Григорий Васильевич листок бумаги к самым пальцам князя.

Помедлив малость, Голицын взял ручку, макнул ее в чернильницу и размашисто, царапнув острым пером бумагу в двух местах, расписался.

– Вот и отлично, – Аристов вытянул бумагу из рук князя. – А сейчас небольшой авансец. – Он достал папку, аккуратно положил в нее лист бумаги и сунул в сейф. Затем извлек из него толстую пачку «катенок» и, отсчитав пять бумажек, небрежно бросил их на стол. – Здесь хватит тебе, любезнейший, чтобы поставить на ипподроме на самую быструю лошадку и немножечко побаловаться в игорных домах. Взамен же я прошу немного. Мне нужно знать, что говорят в салоне.

– Обо всем? – Князь осторожно поднял со стола деньги.

– Совершенно обо всем. Я с детства чрезвычайно любопытен. В моем деле любая информация может принести пользу. Мне важно знать, кто и сколько проигрывает за карточным столом, у кого какие пристрастия, например вино, женщины. Чем занимаются благовоспитанные князья, когда не ночуют дома. Какие темные страстишки наблюдаются у графинь, обремененных целым выводком отпрысков. Да! Да! – отвечал Григорий Васильевич прямо в удивленные глаза Голицына. – Я говорю именно об этом. Знаешь ли, на них накатывает усталость, хочется каких-то приключений, романтики, а дом полон молодых слуг, здесь и зарыт корень греха. И не надо удивляться. Я встречал княгинь, которые убегали от своих мужей с обыкновенными кучерами, пропахшими лошадиным навозом. Милый мой друг, нужно просто знать жизнь. Ну полноте, хватит грустить! – махнул рукой Григорий Васильевич. – Забери деньги и ступай. Веселись! Приходить ко мне не нужно. А то, знаешь ли, могут пойти самые разные кривотолки,

а я этого не желаю. Для твоего же личного благополучия. Я тебя сам найду. Если же у тебя ко мне будет что-то серьезное, звони! – предупредил Григорий Васильевич, написав на клочке бумаги телефон.

Дверь неслышно открылась, и на пороге предстал адъютант – двадцатипятилетний хлюст с тонкими, коротко стриженными усиками.

– Григорий Васильевич, к вам на прием просится один человек.

– Кто такой и чего ему нужно? – посмотрел на него Григорий Васильевич.

Молодой щеголь испытал явную неловкость.

– Он сказал, что ваш знакомый и явился по срочному делу.

– Да? – раздраженно произнес Аристов. – Ладно, зови. Да, вот еще что, Вольдемар, проводи этого молодого человека, а то в нашем здании и заблудиться можно, – улыбнулся весело Григорий Васильевич.

Через две минуты дверь в кабинет распахнулась, и он увидел молодого мужчину тридцати с небольшим лет в черном, безукоризненно отглаженном костюме, сжимающего в руках тонкую трость с набалдашником из слоновой кости, инкрустированным золотом.

Григорий Васильевич с недоумением разглядывал вошедшего. Потом поспешно поднялся со своего места и, протянув обе руки, поспешил навстречу.

– Какая неожиданная встреча, – сердечно тискал он руки гостю. – Признаюсь, никак не ожидал встретить вас в нашем заведении. Впрочем, понимаю... три дня назад в салоне у княгини Гагариной вы одолжили мне, – Аристов сунул руку в карман.

– Господь с вами! – яростно отмахнулся молодой человек. – Неужели вы могли подумать, что я решил к вам навеститься по поводу этого несчастного долга? Вы обижаете меня, право! Я совершенно не тороплю вас.

В сейфе у Григория Васильевича лежало пятьдесят тысяч казенных денег. Савелию Николаевичу он должен был вернуть чуть меньше половины от этой суммы. Деньги немалые. Но он очень опасался, что в ближайшие дни потребуются давать начальству отчет и недостатку в двадцать тысяч рублей невозможно будет объяснить только повышением платы для своих агентов.

Аристов все же сделал решительное движение, будто намеревался извлечь деньги, а потом неохотно, явно подчиняясь настойчивой просьбе своего гостя, прикрыл сейф.

– Тот вечер был не самым удачным в моей жизни, – печально улыбнулся Григорий Васильевич, нервно выбивая пальцами дробь по гладкой поверхности стола, – и если бы вы могли подождать, то я вернул бы вам долг, скажем... через неделю.

– Ну что вы, какие пустяки, – отмахнулся Савелий. – Я бы даже совсем простил вам этот долг, но вы ведь не согласитесь, – и он хитровато улыбнулся.

По поводу неудачного вечера Григорий Васильевич явно пококетничал. Он проигрался в пух. С сотней рублей в кармане ему удалось дотянуть до самого конца вечера, а незадолго до того, когда был выпровожен последний гость, ему удалось все-таки уговорить хозяйку показать ему дальние покои старинного особняка, и он получил возможность убедиться, что княгиня предпочитает английское нижнее белье.

– Не соглашусь, – улыбнулся в ответ Григорий Васильевич. Новый знакомый определенно был ему симпатичен. – Чем могу быть полезен? – Он указал рукой на свободное кресло.

Савелий Родионов поблагодарил легким кивком головы и изящно опустился в мягкое кресло.

– Признаюсь, мне приятно было наше знакомство, но в ваше заведение я зашел далеко не случайно. – Трость явно мешала Савелию. Он стискивал набалдашник то одной рукой, то другой, пальцами ласкал полированную поверхность. Наигравшись вволю, он неожиданно отставил трость в сторону, после чего произнес: – Не помню, говорил я вам или нет... Дело в том, что в Москве я веду кое-какие дела.

– Нет, вы ничего такого мне не говорили, но я знаю это, – улыбнулся Григорий Васильевич, – у вас имеется фабрика по производству кожаных изделий. Потом вы содержите галерею, занимаетесь продажей меха, у вас налажены хорошие связи с крупными предпринимателями Европы, которые считают вас весьма удачным фабрикантом и всегда рады иметь с вами дело. Хочу заметить, что вы получили блестящее образование, а еще вы очень состоятельны.

– Однако, – удивился Савелий, – не ожидал. Откуда вам это известно? Ах да, я совсем забыл, с кем имею дело.

Григорий Васильевич выглядел довольным. Он любил преподносить сюрпризы. Сейчас это был как раз тот самый случай. Он ожидал увидеть вытаращенные глаза Савелия Родионова, но вместо этого по его губам скользнула почти понимающая улыбка.

Григорий Васильевич сам не сумел объяснить себе, что его заставило поинтересоваться деятельностью Савелия Родионова. Скорее всего, это произошло потому, что новый знакомый был ему симпатичен. Он умел нравиться, а к подобным талантам Григорий Васильевич всегда относился крайне настороженно.

– Мне все-таки интересно было знать, кому я проигрался вчера вечером.

Савелий расхохотался:

– Ах вот оно что!

– Слушаю вас.

– Дело у меня самое что ни на есть обыкновенное, Григорий Васильевич. Я остался без кучера. Понимаете, какая получилась неприятная история. Вчера вечером он отвез меня домой и пошел к своей зазнобе, что живет на соседней улице. Да на беду, ему повстречался городской. Задел он его случайно плечиком, а тот оступился ненароком да провалился в яму с водой. Городской перепачкал служебную форму, а моего кучера скрутили да отвели в катажку.

– Как зовут вашего кучера?

– Он крестьянин Ярославской губернии Мещеряков Андрей Филиппович.

– А где приключилась эта неприятная история? – Аристов взял трубку телефона.

– На углу Тверской и Камергерского переулка, это дом...

– Знаю, знаю, – закачал красивой головой Григорий Васильевич – Дом Толмачевой.

– Он самый, – охотно согласился Савелий Родионов.

Главный московский сыщик сдержанно улыбнулся. Лет пятнадцать назад он приходил в этот дом в качестве жениха. И все, начиная от большебородого лакея, неустанно несшего вахту у самой двери, до экономки, старой девы лет пятидесяти, смотрели на него как на возможного хозяина изысканной недвижимости в самом центре Москвы. Он неустанно целовал дочку Толмачевых, когда они оставались наедине в ее опрятной комнатенке. Но мысли его в этот момент находились чрезвычайно далеко от женитьбы – его манили аппетитные формы барышни, а еще возможность увидеть горничную – красивую чернявую девушку лет двадцати, напоминающую восточную княжну. Между ним и горничной уже давно завязались крепкие отношения, которые начались с банального перемигивания. Позже она несколько раз оставалась в его холостяцкой квартире. Но однажды Аристов потерял бдительность и крепко тиснул прехорошенькую горничную в присутствии ревливой невесты.

Разразился нешуточный скандал. Ему пришлось расстаться с мыслью о богатом приданом и направить всю свою юношескую энергию на поиски новой достойной кандидатуры.

Прехорошенькой горничной также дали отставку. В этом случае не обошлось без слез. Девушка вынуждена была вернуться на родину в Вологду, а в память о кратковременном романе ей достались золотые сережки, подаренные накануне.

Даже и сейчас, проезжая мимо дома Толмачевой, он не без грусти созерцал великолепную лепнину на фасаде. Сложись все иначе, он сумел бы распорядиться капиталами миллионерши и не рыскал бы сейчас в поисках невесты...

Григорий Васильевич поднял телефонную трубку и произнес:

– Барышня, это генерал Аристов. Соедините меня с Мышкиным. Вот и отлично. – Григорий Васильевич ободряюще посмотрел на своего гостя и весело улыбнулся. – Николай Сидорович? Да, это я. Вчера на углу Тверской и Камергерского переулков был задержан крестьянин Ярославской губернии Мещеряков Андрей Филиппович... Так ты бы его отпустил, голубчик. Это мой человек... Так... Слушаю... Ах, вот как... Ну ради нашей дружбы... Спасибо, уважил, – положил наконец трубку генерал. – А ваш кучер, оказывается, малый боевой. – В голосе Григория Васильевича звучала неприкрытая укоризна. – Знаете, что он учинил?

– Понятия не имею, Григорий Васильевич, – пожал плечами Савелий Родионов.

– Драку с городскими! А к участковому пристава так приложился кулаком, что его в бесчувственном виде доставили в Новоекатерининскую больницу.

– Ужас! – неподдельно изумился Родионов.

– Слава те господи, что ничего такого серьезного не произошло. Обыкновенный ушиб, полежал с часик в приемной, и его отправили домой. Сейчас он отсыпается. И все-таки ваш кучер, батенька, баловник! – покачал Григорий Васильевич пальцем. – Четверо городских его не могли скрутить. И какая такая вожа ему под хвост угодила?

– Что же ему теперь за это будет, Григорий Васильевич?

– Дело непростое. – Лицо Аристова приобрело казенные черты. – Оно уже, так сказать, завертелось. Знаете, как это бывает в нашем отечестве? Уже написана бумажка, ей дали надлежащий ход, она завизирована многими подписями и отправилась гулять по инстанциям.

– Неужели ничего нельзя придумать? – печально произнес Савелий Николаевич. – Я по своему привязан к этому малому, хотя, конечно, он бывает невыносим, когда пьян. Но в целом он добрейший человек. Если требуются какие-то компенсации, так за этим дело не станет, – полез Родионов в карман пиджака.

– Ну что вы! – яростно воспротивился Аристов. – Вы меня совсем не так поняли. Дело здесь совсем не в деньгах. А потом я и так предостаточно вам должен. Просто очень удачно, что вы обратились прямо ко мне, иначе вашему кучеру не избежать бы арестантских работ. Сегодня он будет отпущен, уже отдано соответствующее распоряжение.

– Даже не знаю, как вас отблагодарить, Григорий Васильевич, – с чувством отозвался Родионов.

– А благодарить меня не надо, батенька, – отвечал Аристов. – Вы мне просто скажите, когда в следующий раз будете у князей Голицыных. Я все еще не теряю надежды отыграться.

– Буду в субботу, Григорий Васильевич. Кажется, в этот раз княгиня организует большой прием?

– Совершенно верно, – улыбнулся Аристов.

– Мне кажется, что там будут достойные партнеры. – Савелий Николаевич поднялся. Кресло под ним слегка скрипнуло. Изящным движением он подобрал трость и, слегка наклонив голову, произнес: – До скорой встречи.

Глава 8

– Что вы можете сказать обо всем этом? – наконец поинтересовался Григорий Васильевич, заглянув в чуть строгое, поросшее густыми рыжеватыми волосами лицо старика.

– А что я еще могу сказать? – искренне удивился он, покрутив в руках инструмент. – Работа знатная. Могу сказать определенно: медвежатник этот малый талантливый. Таких, как он, за свою жизнь я встречал только дважды.

– Вот как?

– Но это не их работа, – добавил старик. – Определенно! Одного зарезали лет двадцать тому назад, где-то на рынке у Сухаревой башни. А второй пропал! И где он сейчас, я не ведаю.

– А ты все-таки, Матвей, покумекай малость, может быть, он?

– Ну где ему? – отмахнулся старик. – Такое дело ему теперь не под силу, если он еще живой, конечно. Теперь он такой же старик, как и я. А здесь явно молодой работал. Тут ведь и сила нужна немалая, чтобы железо ковырять, а откуда она может взяться у немощного старика? То-то и оно. – Старик почесал поредевшую макушку, кашлянул сухо два раза в костистый кулак и задумчиво объявил: – То, что это не он, точно! Но вот ежели кто из его учеников, так такое может быть.

Старик посмотрел на Аристова. Глаза у него были по-юношески пронзительны, приятного глубинного синего цвета. Звали его Матвей Терентьевич Точилин. Лет тридцать назад он был матерый медвежатник, работал чаще всего в одиночку, на его личном счету числилось более тридцати выпотрошенных банков. Долгое время его не могли поймать, возможно, он и скончался бы в дряхлой старости неузнанным, передав награбленные капиталы единственной дочери, но однажды старик расплатился за стакан чая новенькой «катенькой», не пожелав забирать сдачу. Трактирщик, обратив внимание на щедрого клиента, поспешил к Малому Гнездниковскому переулку, где располагалось здание уголовной полиции. А еще через час он был награжден за свою бдительность – начальник отделения уголовной полиции милостиво постучал его по плечу, пообещал похлопотать перед начальством о награждении орденом Владимира четвертой степени и повелел изъять «катеньку» в качестве вещественного доказательства. Хозяин трактира поморщился, но деньги отдал.

После того случая Матвей Терентьевич на долгих пятнадцать лет отбыл на сахалинскую каторгу, а когда вернулся, открыл часовую мастерскую. В заказах он отбоя не знал, поэтому проживал безбедно. В его клиентах числились самые богатые люди Москвы, и нередко он получал заказы даже от царской фамилии.

Григорий Васильевич явился к Точилину лично, хотя был уверен, что старик не посмеет обидеть его отказом, если он надумает пригласить его в Малый Гнездниковский. Но бывший каторжанин слыл человеком закаленным и с хитрецей, что требовало дополнительного подхода и персонального обхождения.

Матвей Терентьевич не сумел сдержать одобрительной улыбки, когда генерал Аристов аккуратно снял шапку и смиренно попросил разрешения присесть на один из свободных стульев, выставленных в прихожей для гостей.

– Располагайтесь, ваше сиятельство, только вы бы уж поаккуратнее плечиком, не заденьте вот этот прибор с механикой. С императорского двора привезен. Мне говорили, что этот прибор сам Петр Великий из Голландии вывез.

– Не сомневайся, голубчик, ничего не задену, – с любопытством покосился на реликвию генерал, отодвигаясь на всякий случай подальше. – Я к тебе вот по какому делу: не мог бы ты мне посоветовать кое в чем?

Аристов сделал знак рукой, и адъютант, молча стоявший у самых дверей, поставил на стол саквояж и почти торжественно вытряхнул из него содержимое.

– Полюбуйся, Матвей, какие совершенные инструменты. Этими безделушками был взломан самый крепкий банк в Москве.

Старик неопределенно хмыкнул.

– Знаете, ваше сиятельство, я даже завидую нынешним медвежатникам. Мы-то сейфы все по старинке взламывали. Признавали только отмычку и гвоздь. А у них вон какой арсенал. Я даже не сразу и соображу, для чего они, – в раздумье почесал старик лоб. – Так, значит, говорите, что сейф с часовым механизмом был? – как-то угрюмо посмотрел старик на своего гостя, сверкнув небольшим бельмом в самом центре радужки.

– С часовым, Матвей Терентьевич. Это еще одна причина, по которой я к тебе обратился. Такое впечатление, что он как будто бы знаком с часовым делом. А такому, сам понимаешь, за один раз не обучишься.

– Это вы в точку сказали, ваше сиятельство, не обучишься. Для того чтобы открыть сейф с часовым механизмом, одного умения маловато. Я так думаю, здесь талант должен быть. А у этого медвежатника он имеется, – в голосе старика прозвучала трудно скрываемая зависть. – Эх, если бы у меня в свое время был такой напарник, так я бы стал самым богатым человеком Москвы. Ломанул бы с десяток самых крупных банков, и видели бы вы меня тогда, господа легавые!

Григорий Васильевич невольно улыбнулся. Лицо старика приобрело хищное выражение. Можно было только догадываться, какой он был акулой лет тридцать тому назад.

– Не сомневаюсь, любезнейший.

– Но все это в прошлом. – Бывший каторжанин вновь превратился в добродушного старика, готового помочь следствию. – Одно могу сказать: знания часового дела здесь маловато. Посмотрите, господин начальник, какую амуницию он соорудил. Вот эта спица для того, чтобы запор нащупать. Этот прут, чтобы сподручнее было дверь ковырнуть. И сталь-то какая прочная! – восхитился Точилин. – Сделано, видать, на заказ. Значит, человек знает толк в технологии. Да, здесь голова крепкая нужна.

– Так что же ты конкретно скажешь?

– Я бы не стал искать его среди обыкновенных душегубцев. – Старик прищурил глаза и со смехом произнес: – Вы бы, господин начальник, искали его среди своих знакомых. Господа аристократы такое могут учудить, что простому мещанину в голову никогда не придет. Когда я сахалинскую каторгу отбывал, вместе со мной граф один был. Так он обыкновенным карандашиком «катеньки» на память рисовал, да так, что от настоящей не отличить. А если бы ему перо с чернилами дать да реактивы разные? Что бы тогда было? Хотя он за это и комаров кормил. Хе-хе-хе! Миллионщиком хотел стать на фальшивых бумажках. Пятьсот тысяч получил, так ему этого мало показалось, решил еще столько же нарисовать. Жадность его сгубила. Ему бы по Европам раскатывать, девок тамошних соблазнять, а он вновь за печатный станок взялся.

– Как же он попался?

– А он фальшивой денежкой с девицей легкого поведения попытался расплатиться. А она, не будь дура, заметила ошибку в слове «император» да сдала графа сыскной полиции. К чему я веду такой разговор? А к тому, что в своем деле нужно быть грамотным. А еще баб не обижать, они того не прощают.

– Все это очень интересно, любезнейший, только мы с тобой немного отвлеклись. Кто бы это мог быть, если не часовщик?

– Известное дело, – продолжал вертеть в руках хитроумный инструмент Матвей Терентьевич. – Медвежатник этот человек грамотный, механику отменно знает, а значит, наукам всяким обучен. Вы бы его, господин начальник, среди грамотеев искали. Не могу я поверить, чтобы необученные на такое были способны. Здесь соображать нужно.

– Это ты точно подметил, Матвей.

Прихожая у Матвея Терентьевича была обставлена со вкусом. По углам стояли дорогие светильники в виде ангелочков, окна закрывали тяжелые плюшевые портьеры. Аристов развалился в широком кресле, крепкое красное дерево выдержало могучее тело без единого скрипа. Он окинул долгим взглядом дорогую обстановку и подумал, что наверняка, прежде чем отбыть на сахалинскую каторгу, хитрый старик припрятал награбленное золотишко где-нибудь на заброшенном кладбище.

– Матвей, а что, если это твоих рук дело? – неожиданно спросил Аристов, сцепив пальцы в замок. – Я тут прикинул и подумал, кому, как не тебе. Ремесло это тебе очень хорошо знакомо. А может быть, обучил какого-нибудь недотепу, вот он и прокалывает сейфы, как полые орехи. И с тобой делится денежкой за науку.

Старик стойко выдержал почти насмешливый взгляд, а потом отвечал достойно:

– Не мое это дело, и наговаривать на себя напраслину я не стану. Не для моего скудного ума такая тонкая работа. А потом, если вы знаете, ваше сиятельство, я всегда работал только одной отмычкой и мне ее хватало на замок любой сложности. Здесь же работа потоньше будет. Да и инструментик-то свой я никогда не бросал и все время с собой забирал. Жалко! А здесь, я смотрю, воры-то свой реквизит не пожалели и на месте оставили. Не сходится, ваше сиятельство, такое дело. Не я это.

Старик был прав. Инструмент оставили у самого сейфа, судя по всему, за ненадобностью. Глуповато было бы думать о том, будто сделано это потому, что грабитель почувствовал раскаяние и решил, будто бы это его последний преступный подвиг. Скорее всего, здесь было нечто другое, например, куда приятнее выносить из здания сумку, до самого верха напичканную деньгами, чем инструменты, ставшие ненужными.

Старик был прав и в другом – в действиях медвежатника четко прослеживался один и тот же почерк. Здесь напрочь отсутствовал элемент случайности и непрофессионализма. Грабитель не поступал наугад, как это случается порой с карманником, когда он орудует на большом базаре. Он длительное время изучал объект грабежа, возможно, устраивался в банк даже служащим. Изготавливал соответствующие инструменты и, выбрав удачный момент, совершал грабеж. Примерно по такой же схеме было совершено последнее преступление. Причем он никогда не забирал с собой изготовленные инструменты, справедливо считая, что вырученные деньги вполне компенсируют потерю.

– Ладно, Матвей, пошутил я.

– Я свое на каторге отсидел честно, – строго отозвался старик, – и обратно возвращаться никак не собираюсь.

– А ты ведь всерьез обиделся, – Григорий Васильевич поднялся с кресла.

Кресло печально скрипнуло, почувствовав на подлокотниках тяжесть могучего тела генерала.

– А то, – хмыкнул старик, явно простив своего гостя.

– Ты вот что, Матвей Терентьевич, если что припомнишь, так сообщи мне по этому адресу, – протянул Аристов визитку. – А когда злодея поймает, за содействие вознаграждение получишь.

– И сколько же? – спросил старик, вчитываясь в адрес.

– Пятьдесят тысяч!

– Ого! Высоко этого злодея ценят. Моя голова поменьше весила. – В голосе Точилина ощущалась неподдельная обида, к которой отчетливо примешивались нотки зависти.

– Да уж, голубчик, времена очень поменялись.

Григорий Васильевич старательно натянул белые парадные перчатки и, в знак прощания приложив два пальца к виску, вышел из мастерской.

Старик приоткрыл портьеру и выглянул на улицу. Аристов вальяжно откинулся в кресло пролетки и, коснувшись тростью плеча возницы, произнес:

– Трогай, голубчик.

Как только пролетка скрылась из виду, Матвей Терентьевич поднял трубку телефона, назвал барышне номер и, когда его соединили, глухо произнес:

– Хозяин дома? Нет... Кто звонит? Знать тебе, любезный, не положено. А только скажи ему, чтобы его ребята не так баловались, а то ими очень интересуются. – И, не дожидаясь ответа, положил трубку.

Часть II ОХОТА НАЧАЛАСЬ

Глава 9

Савелий открыл глаза. Рядом на большой пуховой подушке лежала Лиза. Дыхание ее было ровным и глубоким, веки были слегка приоткрыты, как будто бы она разглядывала на противоположной стене вывешенные фотографии. Но это было не так. Лиза спала глубоко. Раньше Савелия удивляли полуоткрытые глаза девушки во время сна, но сейчас это вызывало только улыбку.

Легкое одеяло слегка сползло, обнажив красивую грудь. Савелий едва удержался, чтобы не притронуться к бордовому, словно спелая вишенка, соску.

Лиза была единственной женщиной, которую он любил по-настоящему. Трудно было поверить, что это юное создание может вмещать в себя столько нешуточной страсти.

Лицо девушки было невинным и чистым. Именно такой образ принимают ангелы, когда опускаются на землю. Но он знал совершенно точно, что за спиной крыльев у нее не сыскать. Лиза оставалась земным созданием.

Впервые Савелий увидел Лизу более года назад неподалеку от старого Гостиного двора, на Варварке. Обыкновенная курсистка, каких в канун сочельника можно было встретить на улицах Москвы не один десяток. Единственное, чем она обращала на себя внимание, так это огромными выразительными глазами, которые взирали на окружающий мир по-детски восторженно. Создавалось впечатление, что она была способна радоваться даже чириканью воробья. Казенная форма не делала ее безликой, а даже, наоборот, выгодно подчеркивала ее высокую фигуру. Что никак не вязалось с ее обликом, однако, так это огромная сдобная булка в руках, которую она поедала с необыкновенным аппетитом на виду у всего Гостиного двора, чем невольно вызывала легкую улыбку у всякого, кто наблюдал за ней.

Не удержался от улыбки и Савелий.

Он подошел к барышне, слегка приподнял шляпу и произнес:

– Разрешите представиться, Савелий Николаевич Родионов, дворянин. Если вы, барышня, желаете, я бы мог познакомить вас с хорошей кухней ресторана «Эрмитаж».

Позже Савелий даже не мог объяснить себе, почему он все-таки подошел к девушке. Скорее всего, этому соответствовал его кураж, который иногда разбирал его с не меньшей силой, чем молоденького юнкера, впервые получившего увольнительную.

Девушка на секунду оторвалась от булки, невинно заморгала пышными ресницами и произнесла грудным голосом:

– Я серьезная девушка и не хожу в рестораны с незнакомыми мужчинами.

Савелий не собирался сдаваться:

– Помилуйте, барышня! Это сейчас мы незнакомые, в данную минуту. А пройдет час, и мы уже сделаемся старинными приятелями. А потом я ведь вас не приглашаю в какой-нибудь трактир, где пьют пиво пьяные извозчики, не в ресторан «Лондон», где вас приняли бы за даму легкого поведения и, возможно, приставали бы с гнусными предложениями. Я вас хочу повести в самый дорогой и респектабельный ресторан Москвы, где работают едва ли не самые лучшие кулинары Европы.

Барышня совсем потеряла интерес к сдобной булке.

– Конечно, вы красиво говорите, но, может быть, вы как раз и есть тот самый змей-искуситель, о котором нам частенько напоминает классная дама?

У ног барышни суетливо толкалась стайка воробьев. Птицы уже перестали довольствоваться крошками и надеялись, что обладательница сладкой булки отломит от нее самую малость и угостит чирикающую братию.

Барышня определенно нравилась Савелию.

– Скорее всего, я Добрыня, чем змей, – сдержанно и с улыбкой заметил он. – А потом я предоставляю вам возможность убедиться в этом.

К его немалому удивлению, барышня согласилась, оставив, на радость птицам, недоеденную булку. Тот вечер был одним из самых памятных в его жизни. Савелий блистал остроумием, желая произвести впечатление. И, судя по ее смеху и восторженным глазам, это ему удалось сполна. Когда они увиделись в следующий раз, то напоминали, скорее всего, страстных влюбленных, чем молодых людей, которые еще неделю назад не подозревали о существовании друг друга.

Каково же было его удивление, когда вскоре он узнал, что Лиза состоит в родстве с московским градоначальником. Что ее матушка была некогда фрейлиной императрицы, а папенька членом городской думы.

Их близость произошла как бы сама собой. И случилась в том самом ресторане, куда он впервые привел ее угостить дорогим шампанским. По соседству с колонным залом имелись кабинеты, в которых великовозрастные богатые дядьки давали уроки нравственности юным барышням.

Савелий встал с постели. Подумав, распахнул шкаф, достал новый темно-коричневый костюм в тонкую белую полоску, вдохнул аромат свеженакрахмаленной белой рубашки.

– Ты уже проснулся? – услышал он за спиной грудной голос.

– Как видишь, голубка. – Савелий стоял перед зеркалом и поправлял воротник рубашки.

На манжетах зелеными кошачьими глазами сверкали изумрудные запонки. Каждый из камней был величиной с ноготь. Изумруды могли украсить любой из столичных музеев и в совокупности составляли немалое состояние. Савелий брал эти запонки крайне редко, когда желал удачи. Они были для него настоящим талисманом. Запонки подарил Савелию старик Парамон на шестнадцатилетие, незадолго до того, как отправить его постигать науку в Европу. Конечно, старик не мог предвидеть, что эти зеленые камешки послужат его воспитаннику символом удачи.

Савелий посмотрел на Лизу. Теперь он не удивлялся, что у девушки были глаза точно такого же цвета, как его изумрудные запонки.

– Ты почему на меня так смотришь? – лукаво прищурилась Елизавета.

– Да вот думаю, не колдунья ли ты, часом.

Елизавета рассмеялась звонким смехом:

– Ах вот как! Ты меня боишься? Странная из нас получается парочка – змей-любовник и колдунья. А может, мы и вправду состоим в родстве с бесовской силой?

Савелий надел пиджак, тщательно расправил складочки и произнес:

– Мы это проверим сегодня.

Елизавета обладала еще одной приятной чертой – она совершенно не стеснялась своей наготы.

Одеяло сползло еще ниже, оголяя крепкое бедро.

– Ты все-таки уходишь? – поинтересовалась Лиза.

Ну точь-в-точь как легкомысленная девица из ресторана «Лондон», пытающаяся заполнить с богатого купца лишний гривенник за доставленное удовольствие.

Савелий без труда разгадал ее игру. Он подошел к Елизавете, поправил сползающее одеяло и произнес, подражая голосу завсегдатаев увеселительных заведений:

– На сегодня довольно, барышня. Вы уж свои чары до следующего раза поберегите!

Елизавета капризно надула губы, натянув одеяло на самый подбородок.

– Фи, барин, какой вы грубый!

Савелий посмотрел на часы. До открытия выставки сейфов оставалось совсем немного.

– Теперь давай поговорим о серьезном. Ты ничего не забыла?

– Нет, – мгновенно преобразилась Елизавета, превратившись в строгую слушательницу женских курсов, вникающую в премудрость неевклидовой геометрии.

– Вот и отлично. Нам незачем идти вместе. Мне нужно еще съездить по одному адресу. А ты будь в торговых рядах сразу после открытия.

Савелий поцеловал Елизавету в чуть наморщенный лобик и, махнув тростью, заторопился к выходу.

– Савушка! – вдруг окликнула его девушка. Родионов не любил оборачиваться, считая это скверной приметой, но сейчас все было совершенно неважно. Его покой оберегали два темно-зеленых изумруда.

– Что, моя голубка?

– Обещай мне, что все будет хорошо.

– Обещаю. Разве ты не со мной? А подвергать тебя опасности я не имею права, – и, уже не прощаясь, вышел из комнаты.

Выставка сейфов должна была пройти на Мытном дворе, расположенном неподалеку от Москворецкого моста. Это здание некогда использовалось под таможню. Но уже несколько десятилетий оно было заставлено торговыми лавками. Даже сейчас оно не утратило официального облика. С утра на быстрых пролетках к зданию подъезжали лихие молодцы, но, узнав, что выставка откроется только-только в десять, сходили на брусчатку и вливались в толпу зевак, терпеливо ожидавших назначенного часа.

Народ у Мытного двора собирался самый разный. Кроме мещан, которых здесь было большинство, в толпу примешивались приказчики, немало было мелких купцов, то там, то здесь мелькали фуражки студентов; яркими нарядами выделялись дамы, которые пришли к Мытному двору со своими кавалерами и ожидали от предстоящей выставки очередного развлечения. Заметны были даже люди духовного звания – они стояли отдельно ото всех и негромко вели чинные разговоры о предстоящем посте.

Дверь наконец открылась. Из нее клубком выкатился небольшой человечек и, перекрывая могучим басом людской гомон, воскликнул:

– Господа! Прошу внимания!

Разговоры действительно смолкли. Даже священнослужители с интересом посмотрели на горлопана, а один из них буркнул:

– С таким голосищем, как у этого хомяка, дьяконом нужно быть при патриархе, а он швейцаром служит.

А мужчина, нисколько не смущаясь, продолжал:

– Сегодня у нас выставка сейфов. В этом здании собраны самые лучшие экспонаты из Германии, Америки, Англии и России, господа. Вы увидите новейшие чудеса техники. Если среди вас имеются коммерсанты и вы желаете заключить контракты с фирмами, так это можно сделать здесь же, в зале. Прошу, господа, – и он широко распахнул узорчатую дубовую дверь.

Толпа тонким живым ручейком всосалась в свободное пространство, а еще через пять минут к зданию Мытного двора подъехал экипаж, запряженный парой вороных лошадок. Мужчина средних лет с короткой черной бородой и стриженными усами щедро расплатился с извозчиком, сунув ему в ладонь четвертной.

Бородач подал руку своей спутнице, помогая ей сойти на тротуар, – девушке лет двадцати, в длинном голубом платье и широкополой шляпе из темно-желтой соломки, – и после того, как она легким ангелом опустилась на землю, подставил ей свой локоть.

– Ваше сиятельство, – раздался за его спиной голос, – пяточок бы на проживание пожаловали.

Мужчина неохотно обернулся через плечо. Рядом с ним стоял нищий огромного роста, с рыжей, всклоченной шевелюрой. Он сунул руку в карман, побренчал мелочью и вполголоса произнес:

– Надеюсь, ничего не позабыл? А то в следующий раз от арестантских работ тебя убересть сумеет только Господь Бог.

– Ты уж прости меня, Савелий Николаевич, бес попутал с этими городовыми. Коли бы знал...

– Ладно, Андрюша, смотри не подведи. – И уже громко, явно рассчитывая на уши стоящих рядом ротозеев, произнес: – Держи, братец, смотри не напейся.

– Благодарствую, барин, благодарствую, – с чувством произнес хитрованец и попятился прочь с Мытного двора.

Народу уже понабежало. В обычные дни на Мытном дворе распоряжались приказчики; шествовали величаво купцы; частенько невозможно было протолкнуться между рядами, а с лавок доносились задиристые голоса продавцов, расхваливающих свой товар.

В этот раз все выглядело иначе. Огромный зал освободили от мелких лавок, помещение было проветрено, и даже самый чувствительный нос не уловил бы застоявшегося запаха мяса.

Сейчас, в несколько рядов, тут стояли сейфы, несгораемые шкафы, вокруг которых суетились инструкторы и, не скупясь, нахваливали последние достижения инженерной мысли.

– Знаете, господа, этот сейф совершенно надежен. Уверяю вас, его не сумеют открыть и через сто лет. Он совершенно неприступен для грабителей...

– Пожалуйста, сюда, господа, лучшего экземпляра, чем сейф фирмы «Крауф и сыновья», вам не найти! Он имеет все то, что отличает немецкую инженерную мысль, а именно надежность!

– Прошу вас сюда, господа! Только с несгораемым шкафом «Годскин и компани» вы обретете настоящий покой и сумеете сберечь свои накопления. Уверяю вас, у нас лучшие замки в мире и лучшая система защиты. Если вы приобретете несгораемые шкафы и замки нашей фирмы, то не прогадаете!

Публика прогуливалась между выставленными сейфами, не стеснялась выпрашивать о преимуществах того или иного механизма и, получив исчерпывающую информацию, отходила.

Один из священнослужителей подошел к тонкошеему приказчику, без умолка нахваливавшему замки фирмы «Годскин и компани», и прогудел мощным басом:

– Ты бы, милоч, поведал нам, сирым и убогим, каково оно в действии. Замок, вижу, крепкий, будет чем ризницу запирать.

– Не беспокойся, батюшка, – уверял малый. Чувствовалось, что он крепко поднаторел в торге – голос у него был поставлен, а руками размахивал, как заправский агитатор. – Эти сейфы способны убересть божье золотишко не только от воров, но и от самого сатаны.

Лицо у тонкошеего при этом приняло угодливое выражение, какое бывает только у старательного приказчика. Изъяви покупатель желание, так он мгновенно упакует несгораемый шкаф и на собственном хребте дотащит его к порогу клиента.

Священнослужители обходили громадину сейф со всех сторон. По их значительным взглядам чувствовалось, что они собираются ставить его не у алтаря и прятать в него не рубахи, пропахшие потом, а нечто более божественное.

– Полезная вещь, – басовито произнес один из священнослужителей. – Только больно дорогая. С архиереем нужно совет держать. Как он скажет, так тому и быть!

В центре зала стоял огромный несгораемый шкаф, инкрустированный под орех. Около него чинно вели диалог на английском языке трое мужчин.

– Американцы, – пренебрежительно фыркали купцы, втайне гордясь тем, что в Париже русских коммерсантов принимают куда радушнее, чем деловитых янки.

– Господа, – из толпы вышел крупный мужчина, смахивающий на племенного жеребца. Он махнул рукой на несгораемый шкаф и не без пафоса произнес: – То, что вы видите перед собой, настоящее достижение науки. Над этим шедевром работали лучшие мастера из Америки, Германии и России. Я бы сказал, что это сплав американской прочности, немецкой расчетливости и русской изобретательности. На сегодняшний день невозможно встретить более надежных запоров, чем те, что вы изволите видеть. Мы настолько уверены в его надежности, что поместили в него триста тысяч рублей! Если кто-нибудь сумеет открыть сейф, тогда деньги достанутся ему. Не стесняйтесь, господа, подходите.

В толпе выделялось несколько людей явно не барского сословия. Их привычно было видеть у соборов, тонкими голосами выпрашивающих у прохожих копеечку на выпивку.

– Вот ты, господин, – указал толстяк на одного из них, – не сумел бы ты открыть наш сейф?

– Это, сударь, не по моей части, – честно отозвался малый. – Здесь смекалка нужна. Вот ежели ты попросишь за рублевку кому череп проломить, тогда милости просим на Хитровку, – слегка поклонился бродяга, вызвав невольные улыбки у стоящих рядом.

– Разрешите мне попробовать? – вызвался молодой шатен лет тридцати в светло-сером костюме.

– Разумеется, голубчик, пожалуйста! – подбодрил смельчака банкир Некрасов, стоящий рядом. – Не забывайте, здесь вас ожидает триста тысяч рублей.

Молодой человек извлек из кармана целый набор ключей и попеременно попробовал просунуть их в скважину. Присутствующие, вытянув шеи, с интересом наблюдали за потенциальным хозяином немалого состояния. Один ключ он все-таки сумел просунуть в скважину, чем вызвал в толпе вздох восхищения. Но дальше этого дело не продвинулось. Несмотря на все усилия, ключ не желал вращаться.

Минут через двадцать шатен отошел распаренный до красноты, под едкие насмешки собравшихся.

Вторым был старичок в потертом плаще, служившем, очевидно, ему не только простыней, но и одеялом. Старик готовился основательно. Он выгреб из карманов ворох отмычек и принялся пробовать поочередно каждую из них. Один раз даже показалось, что он сумел повернуть замок и тот обрадованно щелкнул, но дверца продолжала оставаться запертой. Еще минут через десять он аккуратно сложил отмычки в карман, дескать, пригодится еще, и сконфуженно смешался с толпой.

Потом подошел парень лет двадцати пяти. Он упорно ковырялся изогнутым шилом, но тоже оказался бессильным.

Еще был дядька лет пятидесяти, явно из купеческого сословия, видно, решивший подзаработать случаем.

Следующим был дедок лет семидесяти с набором ключей. Очевидно, он решил потрянуть стариной и вспомнить кандальную молодость.

Желающие шли чередой, но все их старания были тщетны.

Матвей Некрасов стоял в сторонке и, картинно подбочившись, пыхтел толстой сигарой.

– А вы уверены, что он все-таки придет?

– Уважаемый Матвей Егорович, вы, я вижу, совершенно не знаете людей такого типа, – усмехнулся Лесснер. – Наш визави очень сильный и азартный игрок и не упустит случая, чтобы поиграть с нами в кошки-мышки. Наверняка он топчется здесь где-то рядом. Вы на всякий

случай присматривайтесь здесь ко всем, кто подходит к сейфу. Я уже переговорил с Аристовым, за всеми этими людьми будет установлено наблюдение.

– А если он все-таки откроет сейф?

– Это исключено, – отрицательно покачал головой Лесснер, провожая взглядом приятную брюнетку. – Тогда наше банковское дело действительно ничего не стоит.

– Давайте только на минуту предположим, что он все-таки откроет!

– Ну, – пожал плечами Георг Рудольфович, – тогда, конечно, ему придется эти деньги отдать. Но можете не сомневаться, что ближайшие двадцать лет он проведет в Тобольском остроге под усиленной охраной. А нас ждет, милейший, вполне заслуженный покой.

– Ну, дай Бог, – выдохнул Некрасов, с любопытством наблюдая за толчеей вокруг нестрогаемого шкафа.

– Позвольте мне, господа, – пробрался вперед молодой мужчина с аккуратной бородкой и слегка рыжеватыми усами. – Может быть, у меня что-нибудь получится.

Он был одет со вкусом, даже, можно сказать, со щеголеватым изыском и очень смахивал на молодого повесу, большую часть времени проводившего на коврах в светских салонах в поисках богатой невесты. Взгляд у него был уверенный и смешливый. Так смотреть может только человек, чьи карманы обременены купюрами самого высокого достоинства. Некрасов усмехнулся, осмотрев веселого бездельника. Мужчина больше годился для того, чтобы в полутемной гостиной, где-нибудь за плотными портьерами, пощипывать дородных горничных.

Однако молодой человек извлек из кармана небольшой металлический прут с хитрым крючком на самом конце и уверенно воткнул его в скважину. В этот самый момент в противоположном конце зала раздался чей-то немилосердный крик:

– Грабят, господа!

Взгляд присутствующих был обращен в сторону нищего, который, крепко вцепившись руками в мужчину средних лет, орал во все горло:

– Да где же здесь справедливость, господа?! Где же справедливость, я вас спрашиваю?! Я целый день на Александровском рынке просидел, все копеечку у милосердного люда выпрашивал, а этот бесчестный господин в карман нищему залез!

– Позвольте, господа! Да что же это такое творится! – пытался бедняга отцепиться от хищных рук нищего. – Какие такие карманы? Да знаете ли вы, милейший...

Нищий оказался напористым и с луженой глоткой. Он тряс дядьку за лацканы пиджака и не переставал стыдить:

– Да что же это делается-то, люди добрые! Куда же я теперь без копеечки подамся? Кто же меня, сиротинушку, на ночлег без грошика пустит? Что же это такое получается, добрые люди, прохода никакого не стало!

– А с виду-то человек приличный, – раздалась из толпы осуждающие голоса. – Это надо же, нищему в карман залез! Да кто бы мог подумать, глядячи?

Пронзительно зазвучал свисток, и, решительно раздвинув уплотнившуюся толпу, прямо на нищего вышел городской:

– Что здесь происходит?

– Ваше благородие, – подобострастно заговорил бродяга. – Я мухи никогда не обидел, все на заработок свой жил, что с базаров собирал. Немоощный я, инвалид с детства, на труд не способен, – жалился он усердно. – Кто же смилостивится над сиротинушкой? Ваше благородие, вы бы у него мои копеечки забрали.

– Ишь ты! А чем докажешь, что денежки-то тебе принадлежат?

– У меня ведь и кошелек был, красной ленточкой повязан.

– А ну-ка, милейший, – обратился городской к растерянному дядьке. – Документы прошу.

– Чего вы, любезнейший, себе позволяете? Да знаете ли вы, кто перед вами?!

– А мне и знать не надобно. Вы мошенник, вот мой ответ! – веско отвечал городской, посмотрев через плечо в надежде на поддержку собравшихся.

– Ты бы его, ваше высокоблагородие, кулачищем по мордасам, – бесхитростно подсказал нищий, – тогда он враз поумнеет.

– Бумагу покажи! – пронзительно крикнул городской, побагровев. – Карманы выворачивай!

Дядька сунул руку в карман и неожиданно вместе с собственным бумажником вытащил кошелек, перевязанный красной лентой.

– Господа! Да это же мой кошелек! – с чувством проорал хитрованец, как будто ему теперь предстояло ночевать не в богадельне, а в «Метрополе». – Уф, негодный!

– Даку-ументики пра-а-шу! – вытянул вперед руку городской.

– Извольте, – положил на ладонь городского удостоверение расстроенный дядька.

Суровость стража спадала по мере того, как он вчитывался в документ. Потом он вдруг смущенно побагровел, беспомощно захлопал ресницами и, давясь словами, вымолвил:

– Вы бы уж на меня не серчали шибко, господин товарищ министра, недоразуменьице случилось. На службе-с я, за порядком поставлен следить. Ох, незадача вышла, – вытер он рукавом проступивший пот.

– Ладно, – хмуро буркнул товарищ министра, видно, явно удовлетворенный, – буду считать, что от усердия казус вышел. Подбросили мне кошелек.

– Господа! Господа! – заволновался в толпе молодой человек лет двадцати пяти. – Да это же сам Бутурлин! Он в министерстве иностранных дел служит. Ему сам император конфиденциальные дела поручает. А нищий этот плут! Я же видел, как он его сиятельству кошелек в карман сунул! Ах, плут! – негодовал молодой человек.

– Господа, а куда подевался нищий? Где бродяга?

– Батюшки, да он же исчез!

– Еще попадется он мне! – помахал городской огромным кулаком невесть куда. – Вы уж, ваше сиятельство, извиняйте. Промашка вышла.

– Ладно, голубчик, разобрались уже, ступай себе, – милостиво бросил Бутурлин.

– Господа! Сюда! – раздался возбужденный голос с противоположного конца зала. – Посмотрите, сейф-то пуст!

Несгораемый шкаф стоял распахнутым. Одна из створок слегка скрипнула, когда кто-то случайно коснулся ее рукой.

– Кто же это? Три замка открыл!

Некрасов отшвырнул в сторону сигару и могучим ледоколом принялся пробираться через плотную толпу.

– Кто открыл? – прокричал он в самое лицо мужчине, стоящему рядом с сейфом. Тот был одет в обыкновенный клетчатый костюм. Однако на его лице застыл отпечаток настороженности: такое выражение бывает у гренадеров, стоящих на страже у государева кабинета. Не оставалось сомнений в том, что он принадлежал к людям казенным.

– Виноват, ваше сиятельство, не заметил, – слегка подобрался служака, вытянувшись.

– Для чего ты здесь поставлен, для мебели, что ли?! – все более распалялся Некрасов. – Сказано же тебе было: как откроют, так дуди себе в свисток!

– Отвлекся малость, – повинился служивый. – Там нищий какой-то к дядьке приставал, вот я и засмотрелся.

– А тебе за что платят, дурачина, за смотрины, что ли?! – уже в голос кричал Некрасов. – Это надо же, в один раз на триста тысяч нас наказал! Да, может, они специально потасовку затеяли, чтобы деньги из сейфа выгresti.

– Вспомнил, ваше сиятельство, – просветлел городской. – В последний раз к шкафу мужчина подходил.

– Какой он из себя?!

– Молодой. Лет тридцати пяти, не более. Усы у него рыжеватые, – вспоминал городской. От усердия он даже наклонил слегка голову набок, тем самым напоминая ворону, высматривающую среди кучи отбросов золотую поживу. – Подошел, отмычку сунул, а потом я уже и не видал.

– Мне что, хватать всех с бородой и усами? – шипел Некрасов.

– Ваше сиятельство...

– Какие у него были глаза?! Ты запомнил цвет глаз? – вцепился он в плечо городского.

– Как-то не приметил.

Некрасов убрал руку с плеча городского, а потом спокойным тоном объявил:

– Однако ты болван, братец. Видно, придется тебя гнать из Москвы. Будешь теперь у меня кандальников этапировать.

Некрасов заглянул в сейф. Он был пуст, если не считать ярко-алой розы, которая одиноко лежала на прохладном металле. Именно там, где несколько минут назад находилась коробка с тремя сотнями тысяч.

Савелий зашел в мужской туалет. Набросил на дверцу крючок и распахнул саквояж. На самом дне покоились триста тысяч рублей. Неплохое это ремесло – медвежатник, заработал за каких-то несколько минут целое состояние!

Он посмотрел в зеркало и не узнал себя. На него смотрел импозантный мужчина средних лет с коротко стриженной бородкой. Совершенно незнакомое лицо. В таком облике его вряд ли признал бы даже старик Парамон. Савелий прикрыл усы и бороду ладонью. Глаза его, слегка запавшие, были бледно-голубые. Такие глаза бывают у хладнокровных преступников и расчетливых любовников.

Савелий не относил себя ни к тем, ни к другим.

Новый образ пришелся Савелию по душе, и он подумал о том, что в скором будущем наверняка отпустит бороду. Аккуратная растительность на лице даже самому простоватому лицу придает значительности.

Взяв усы за самый кончик, он осторожно потянул их. Они отлепились, слегка щипнув кожу. Затем осторожно взялся за бороду и аккуратно отодрал и ее. Невольно улыбнулся, увидев себя прежнего. Скомкав театральный реквизит, он бросил его в унитаз и тщательно смыл. Еще раз проверил, хорошо ли заперт саквояж, и, убедившись в его надежности, открыл дверь.

У парадного подъезда здания его поджидал экипаж, запряженный крепкой вороной лошадкой. Извозчик, унылого вида татарин, в недорогом армячке был доверенным лицом старого Парамона. Он никогда не расставался с «вальтером», и Савелий был уверен, что при надобности они сумеют устроить нешуточную пальбу.

Распахнув дверь, он направился к выходу.

Лиза стояла рядом с огромным нестораемым шкафом, который только одним своим видом должен был испугать любого медвежатника. Взгляд у девушки был заинтересованным, как будто она хотела попробовать свои нешуточные чары на суперкрепких запорах.

Савелий уверенно пошел в сторону барышни. Выйти они должны непременно вдвоем. В этом случае на них никто не обратит внимания, разве что на женщину, которая среди окружающих выделяется не только необыкновенно правильными чертами лица, но и манерами потомственной аристократки. Каждый, кто ее заметит, наверняка будет ломать голову: благодаря какой такой прихоти зрелый плод светских салонов упал с бельэтажа на брусчатку тротуара, истоптанного грязными подошвами ремесленников и мещан.

– Лизанька, вы ли это? – услышал Савелий чей-то звонкий восторженный голос.

И в следующую секунду увидел, как из толпы вышел чернявый мужчина средних лет и, сверкая словно начищенные ботинки, устремился прямо к Лизе.

– Господи, вы меня не узнаете?! Да что же вы, право, я – Петр Николаевич... Александров. Ну теперь-то вспомнили?

Лиза обдала его арктическим холодом, передернула хрупким плечиком и отвечала твердо:

– Помилуйте, вы обознались. Я вас совершенно не знаю.

– Господь с вами, душечка, – почти терял терпение господин. – Наш с вами обед обернулся для меня едва ли не разорением. А вы утверждаете, что видите меня впервые в жизни.

Савелий с ужасом отметил, что на них начинают обращать внимание. Попахивало скандалом, и каждый хотел стать свидетелем развязки.

– Отойдите от меня, иначе я позову городского!

– Ах вот как! Так вы меня еще пугаете, милочка! – забасил угрожающе Александров. – Да известно ли вам... А может быть, это я позову полицию? Уж не одна ли вы шайка?! Мне-то вы представились барышней приличной, а сами-то вот как! Да кто бы мог подумать о таком! Пойдемте в полицию, – вцепился банкир в руку Лизы. – Я требую объяснений!

В этот момент она увидела Савелия. Ему даже показалось, что девушка метнулась в его сторону.

– Отпустите! – В глазах Елизаветы мелькнула ярость.

В правом кармане пиджака у Савелия лежал автоматический пистолет «вальтер». Эту игрушку в прошлом году он выиграл на Хитровке в карты у одного храпа, который в свою очередь украл ее у пристава. Савелий сунул руку в карман, и тотчас пальцы нащупали прохладный металл.

– Нет, позвольте, душечка, вы нам все расскажете, где ваши сообщники!

– Что вы себе позволяете?

Савелий взвел курок.

– Барин, что же ты делаешь? – отошел от стены косматый детина саженного роста. – Почто девицу несносными словами смущаешь? – И негромко, вкладывая в каждое слово злобу, процедил: – Отошел бы ты, барин, не хотелось бы греха на душу брать.

Петр Николаевич с плохо скрываемым страхом посмотрел на детину. Хватка Петра Николаевича заметно ослабела, а Лиза выдернула руку и опрометью бросилась к дверям. Следом неторопливо пошел Савелий.

Пролетка стояла в условленном месте – у самого выезда. Лошадка нетерпеливо стучала копытами, предвкушая быструю езду. Извозчик нервничал: он то брался за поводья, а то вдруг сбрасывал их на круп лошади. И когда из здания вышли взволнованная Елизавета, а следом за ней Савелий, его тоскующая физиономия приобрела осмысленность.

– Где же ты, барин, пропадаешь? – нарочито громко произнес он. – Я тебя, поди, целый час прождал. Теперь ты одним гривенником не отделаешься.

– Ничего, голубчик, – улыбнулся Савелий, подсаживая Елизавету. – За твоё долготерпение ты от меня рублевку получишь. Выпей на извозном дворе за мое здоровье.

– Уразумел, барин, – весело отозвался татарин и уже тише, заглядывая в самое лицо Савелию, произнес: – Все ли в порядке, Савелий Николаевич? Я уже беспокоиться начал.

– Обошлось, – негромко произнес Родионов. – Трогай!

Извозчик поднял вожжи и хлестко опустил их на круп лошади. Колеса пролетки выбросили в сторону ворох гравия, и вороная, набирая скорость, устремилась прочь со двора.

– Господи, да как же это я, – ломала Лиза руки. – Господи, да он же меня не отпускал.

– Успокойся, Елизавета, все позади.

– Господи, а если он меня в следующий раз увидит? Я же пропаду.

– Тебе не стоит волноваться, никто тебя не увидит, – отозвался Савелий.

Кучер погонял резво, заставляя случайных прохожих выскакивать на тротуар.

– Караул! – напрягая легкие, орал он, когда какой-нибудь нерадивый пешеход принимал проезжую часть за тропинки Тверского бульвара. – Поберегись!

Порой казалось, что пролетка вот-вот опрокинется набок. На крутом вираже она вставала на два колеса, скрипя осями, после чего с громким стуком опускалась на мостовую.

– Если бы не тот мужчина, я даже не знаю, что было бы, – понемногу приходила в себя Елизавета.

– Успокойся, дорогая, ничего бы не случилось.

– А ты, случайно, не знаешь того мужчину... ну, что за меня заступился?

– Знаю, милая, его зовут Андрей. Смею тебя уверить, милейший человек!

Савелий невольно улыбнулся, вспомнив о том, как несколько дней назад милейший человек разбил лбы двум городовым.

– Куда изволите, Савелий Николаевич? – извозчик попридержал малость лошадку, когда они отъехали уже изрядное расстояние.

– А ты, я вижу, позабыл, – укоризненно произнес Савелий. – Вези меня на Большую Дмитровку.

– Уразумел, Савелий Николаевич, – отозвался извозчик и кнутом поддал по крупу лошади.

На Большой Дмитровке находился дом Левитина, где Савелий Николаевич снимал в третьем этаже четыре комнаты.

Глава 10

Аристов в ярости метался по кабинету, словно раненый тигр. Он размахивал в воздухе «Московскими ведомостями» и сердито выговаривал:

– Что же это творится? Не проходит и дня, чтобы грабители не вскрыли какой-нибудь сейф. По всей России у меня два десятка донесений, и в каждом из них говорится об ограблении банков!

– Разрешите заметить, ваше сиятельство, в России действует, скорее всего, несколько преступных шайк, – проговорил Макаров, чиновник по особым поручениям. Он был небольшого роста, совершенно лыс, отчего его голова напоминала невызревшую дыню. Сергей Гурьевич Макаров носил костюм темно-синего цвета в мелкую светлую клетку и даже по большим праздникам никогда не менял своего наряда. Единственное, что он позволял себе перед Рождеством, так это тонкую трость с набалдашником из слоновой кости. В обычные дни в его руке находился крепкий посох, больше смахивающий на дубину, который он неустанно перебирал между пальцами, как опытный жонглер привычную кеглю. Секрет его любви к синей материи заключался в том, что Макаров не переваривал иного цвета. И, как втайне говорили злопыхатели, даже исподнее у него было темно-синего цвета. В злой шутке была значительная доля правды – Макаров имел с дюжину совершенно одинаковых костюмов и столько же пар обуви одного фасона. Увидеть его в ином одеянии было невозможно.

Скорее всего, постоянство Макарова было издержкой профессии. Свою карьеру Сергей Гурьевич начал с обыкновенного филера, главной чертой которого всегда была неприметность. Он был вынужден слиться с фасадами зданий, чего невозможно было осуществить в более светлых нарядах.

Сергей Гурьевич был почти легендарной личностью. Территория, которую он курировал, в Москве считалась самой благонадежной. Он знал всех рецидивистов, мошенников, карточных шулеров. А о его проницательности воры слагали легенды. Бывает, заявится к какому-нибудь храпу, сядет на услужливо подставленный стул и молвит без затей:

– Вот что, Иваныч, привиделся мне сон, будто бы ты ювелира Мельникова решил ограбить.

Перепуганный храп неистово божится:

– Да разве бы я посмел, Сергей Гурьевич! Да пусть меня черти на тысячу кусков растащат, ежели так.

– А ты не боишься, что бесы и впрямь растащить смогут? – назидательно замечает ответственный чиновник, поднося водочку к губам. И, опрокинув в горло хмельной напиток, добавляет: – Вот что я хочу тебе сказать, охальник: если надумаешь порядок на моей территории мутить, так я тебя враз каторгой образумлю.

– Так как же мне быть, ваше благородие, – жалостливо канючит храп, – кормлюсь я.

Макаров посмотрит на татя хмуро, понимая, что наставлять вора мудреными речами так же бесполезно, как кормить волка морковкой.

– Каждый из нас своему ремеслу обучен, а только я хочу заметить тебе, нерадивый, даже волк подле своей норы овец не таскает, – и, оставив хозяина в полном недоумении, покидает барак.

Сергей Гурьевич Макаров имел целый штат осведомителей, среди которых были извозчики, актеры, публичные барышни. Каждый из них за небольшую плату готов был наблюдать не только за подозрительными личностями, но и присматривать за полицейскими чинами, сдружившимися с влиятельными храпами.

– Ну? – Крупные, слегка выпуклые глаза Аристовы остановились на продолговатом лице Макарова.

– Я это к тому, ваше сиятельство, что у меня создается такое впечатление, что наш возмутитель спокойствия поделился своими секретами с товарищами по ремеслу. Вот они и разъехались, вооруженные опытом, по всей России-матушке. В Москве тесновато им будет. Мне так кажется, ваше сиятельство, что вместе с ними и наш мазурик из Москвы съехал.

– Съехал, говоришь? – глухо зарычал Аристов. – А кто же тогда, по-твоему, на Мытном дворе сейф открыл и вытащил из него триста тысяч рублей? Может быть, святой дух? – Строго посмотрел Григорий Васильевич на другого человека, находившегося у него в кабинете мужчины лет сорока с отвислыми щеками, очень смахивающего на старого бобра.

– Ваше сиятельство, – вытер он обильную испарину со лба. Создавалось впечатление, как будто он действительно только что вынырнул из реки. – Мои люди были расставлены всюду. Да он вот что надумал, потасовку устроил. Пока публика на смутьянов паялилась, так он сейф-то и открыл.

– Мне не надо об этом рассказывать, милейший, – продолжал размахивать газетой генерал. – Обо всем этом в «Ведомостях» пишут. Знаете, как они над нами измываются? Не читали еще? А вы почитайте, милейший, почитайте! Это не только меня касается, но и всех вас, – бросил он на стол газету. – Так и пишут: пока полиция спит, воры с отмычками спокойно разгуливают по Москве.

«Бобер» пропотел вновь. На его широком лбу выступили крупные капли, которые вот-вот должны были сорваться и пролиться на густую черную бороду Ниагарским водопадом. Этого человека звали Влас Всеволодович Ксенофонтов. Десять лет назад он вынужден был уйти из армии в чине штабс-ротмистра, когда на одном из парадных смотров его конь вдруг принялся «ухаживать» за лошадкой, на которой чинно восседал сам генерал-губернатор. Несмотря на все усилия, Ксенофонтов не сумел усмирить коня, и когда строптивое животное в порыве чувств все-таки сумело оседлать лошадку, то острое копыто нещадно прошло по генеральскому мундиру.

В полиции его служба складывалась более удачно – уже через год Ксенофонтов сделался старшим инспектором уголовной полиции и в ближайшее время намеревался получить повышение. Но неожиданно судьба преподнесла ему очередное испытание – в течение последних десяти дней на его территории было совершено три ограбления.

Это был полный провал!

Генерал Аристов уже дважды вызывал его в свой кабинет, тыкал под нос какие-то бумаги с замысловатыми графиками и говорил, что с его приходом в Москву ситуация с преступностью резко ухудшилась. И конкретно заявил, что будет рад отослать его куда-нибудь в Туруханск в качестве надзирателя каторжного острога.

У Власа Всеволодовича была возможность упрочить пошатнувшееся положение, сцапав медвежатника. Он даже напросился на Мытный двор, чтобы возглавить намеченную операцию, но кто бы мог предположить, что вор окажется таким хитрецом. Сейчас ему ничего более не оставалось делать, как смахивать рукавом с лица обильный пот и размышлять о возможной отставке.

– Это вам, милейший, не к лошади генерал-губернатора свататься! – сурово съязвил Аристов. – Здесь мозгами шевелить нужно. Вы мне лучше скажите, что вы намерены делать дальше?

– Надо искать женщину, которую узнал господин Александров. Он утверждает, что это именно та особа, с которой он отобедал в тот час, когда в его банке произошло ограбление.

– И где вы ее предполагаете искать, милейший, по борделям? Может быть, на это удовольствие вы у меня еще и казенные деньги просить станете? – поморщился Григорий Васильевич.

– По рассказам господина Александрова, это весьма образованная девица, вряд ли она кокотка, – Ксенофонтов стойко сохранял остатки спокойствия. – По словам господина Александрова, она больше напоминает выпускницу Смольного института – образованна, выдержанна, с хорошими манерами, – чем преступницу.

– Да-с, господа, веселые в России наступили времена, если благородные девицы взялись за отмычки. И где же ее тогда искать, по-вашему, на балу у губернатора?

– Очень может быть, – поспешно отреагировал Ксенофонтов, – но, во всяком случае, я уже предупредил своих осведомителей на тот случай, если они случайно встретят эту женщину. Наш художник со слов господина Александрова нарисовал ее портрет. Не желаете ли взглянуть? – Макаров вытащил из портфеля небольшую папку.

– Давайте сюда! – Генерал вытянул из рук Ксенофонтова портрет.

Аристов ожидал, что это будет какая-то мегера с длинными черными спутанными волосами. Но с рисунка на него смотрела очень милая девушка лет двадцати.

– Очень недурна! – бросил Аристов.

– Верно замечено, ваше сиятельство, то же самое сказал господин Александров. Этот рисунок мы разослали по учебным заведениям, и в одном ее узнали.

– А сразу не могли сказать? – Григорий Васильевич покосился на Ксенофонтова.

Однако в этот раз в его начальственном голосе звучала легкая укоризна.

– Возможности не было, ваше сиятельство.

– Так ты еще и ехидничаешь? – сощурился Григорий Васильевич. – Ну что ты там еще выведаль? Рассказывай.

– Зовут барышню Елизавета Петровна Волкова. Ей двадцать лет. Из потомственных дворян. Тут есть некоторая пикантность. – Ксенофонтов помялся. – Она из очень уважаемой семьи. Наш градоначальник находится с ней в родстве.

– Выходит, это дельце деликатное. С родителями этой Елизаветы Петровны беседовали?

– Беседы не было, решили пока не спешить. Но что отрадно, рядом с домом живет наш осведомитель. От него мы узнали, что дочка с год как ушла из родительского дома к какому-то хлыщу.

– Дома бывает?

– Не часто. Отец ее очень строгий человек, религиозный, не желает ее видеть в своем доме.

– Кажется, я начинаю понимать, что это за птица. Значит, вы считаете, что молодой человек, с которым убежала наша Елизавета Петровна, и есть предполагаемый медвежатник?

– Вне всякого сомнения, ваше сиятельство, – подал голос Сергей Гурьевич, и его дынеобразная голова слегка наклонилась. – Все сходится. Где появляется наша милая барышня, обязательно происходят какие-то неприятности. Банки грабят-с.

– Да-с, по меньшей мере это очень странно.

– Это еще не все, – старший инспектор уголовной полиции торжествовал. – На Хитровом рынке были узнаны предметы, украденные у банкира Александрова.

– Вот как, очень интересно. Что именно?

– Перстень с изумрудами. Он принадлежал графине Уваровой. Затем золотые серьги с бриллиантами, что принадлежали князю Ухтомскому. Продавал их один трактирщик. Он и раньше был замечен в скупке краденого. Мы установили за ним слежку. К нему действительно приходят разные темные личности. Я тут подослал к нему своего агента, так он предложил ему золотые часы. Сторговал, плут, часы всего лишь за сорок рубликов, хотя они потянут на тысячу. Позже мы этого трактирщика допросили, так он сказал, что людей этих не знает, но что они с Хитровки, так это точно.

– Вот что, – слегка повысил голос Григорий Васильевич, – нам нужно во что бы то ни стало разыскать эту барышню. Это первое! – Аристов величественно загнул палец. – А для

этого нужно установить наблюдение за домом Волковых. А во-вторых, нужно сделать немедленно облаву на Хитровке, может быть, там мы нащупаем ниточку, которую так тщетно ищем. Облаву мы проведем дня через два. И прошу вас, ни полслова о предстоящей операции. Не исключая того, что на службе у грабителей находятся даже надзиратели. – Тяжеловатый взгляд Григория Васильевича остановился на Ксенофонтове, чей лоб мгновенно покрылся испариной, как будто он только что вышел из парной. – Да-с, голубчик, – в задумчивости протянул Аристов, – и такое бывает.

– Ваше сиятельство, – привстал Влас Всеволодович. Лицо его при этом сделалось красным, сам он, выпучив огромные глаза, больше напоминал рака. – Неужели про меня кто-то дурное что сказал?

– Ладно, садитесь, – махнул рукой Григорий Васильевич, – не о вас сейчас речь. Вот что я скажу, любезнейший: подводите вы меня. Займитесь организацией облавы. И мне бы очень хотелось, чтобы никаких случайностей не произошло.

Ксенофонов вытянулся в струнку:

– Ваше сиятельство, не подведу.

– Надеюсь, любезнейший Влас Всеволодович, – едва улыбнулся Аристов. – Это вам не на параде выступать.

Глава 11

Ресторан «Яр» в Петровском парке был одним из самых любимых в Москве мест господина Александрова. Величественное здание с башнями по углам, больше напоминающее цитадель, чем дом, в котором можно прилично разговеться после поста.

В «Яре» Александрова знали все, начиная от извозчиков, терпеливо несших службу у парадного подъезда, до хозяина заведения, который непременно называл постоянного клиента по имени и отчеству.

В хорошую погоду столики выставлялись во двор. Особенно это удобно было в теплую летнюю ночь, когда можно было выпить марочной мадеры и уединиться в закоулках Петровского парка.

К загородному ресторану «Яр» господин Александров подъезжал к девяти часам вечера. Самое удачное время для развлечений. Именно к этому часу к «Яру» съезжались самые красивые кокетки Москвы. Случалось, сюда заходили молодые провинциальные артистки, терпеливо ищущие в Москве влиятельного покровителя. Петр Николаевич любил не только марочные вина, но и театр, а потому никогда не отказывал в помощи молодым дарованиям. Для этих целей он даже завел специальный блокнот, куда записывал адреса своих протеже и личные наблюдения, – «девочка очаровательная, у нее длинные ноги и богатый бюст»; «блондинка, в моем вкусе... Боже мой, какое горькое разочарование: в спальном кабинете, при свечах, я обнаружил, что она жгучая брюнетка»; «очень любит кушать яблоки в постели. После полуночи отправил кучера купить у купца Семенова персидских яблок».

Позавчера он встретил в «Яре» белокурую красавицу в длинном декольтированном темно-зеленом платье. Она сидела в самом углу зала и покуривала тонкую дамскую папиросу. И что удивительно, пребывала в полнейшем одиночестве. Своей неприступностью она напоминала Царевну-лягушку, дожидаящуюся Ивана Царевича. Самое любопытное, что никто не спешил приставать к ней с предложениями, а богатые золотопромышленники, перед которыми половина Сибири сгибалась в поклоне, только косились на нее, как на сладкий и очень запретный плод. Родись она на пару тысячелетий пораньше, то вполне могла бы преподать урок величия даже царственной Клеопатре.

Александров выпил один бокал шампанского, потом другой. И вдруг обнаружил, что испытывает небывалое желание заглянуть дамочке в глубокий вырез на платье.

Походкой уверенного в себе кавалера он подошел к скужающей женщине и произнес:

– Позвольте представиться... Банкир, меценат, миллионщик и просто очень хороший человек Петр Николаевич Александров.

Женщина вытащила изо рта белоснежный мундштук, почти по-мужски стряхнула пепел в глубокую раковину, выполнявшую роль пепельницы, и произнесла, плохо скрывая раздражение:

– Шли бы вы... хороший человек. У меня сегодня нет желания с кем-то разговаривать. Я приехала в «Яр» послушать цыган.

И дама презрительно отвела взгляд.

– Дело в том... – начал было Александров, не теряя надежды заполучить расположение красавицы.

– Уважаемый! – свирепо произнес поднявшийся из-за соседнего стола мужчина. – Как вам не стыдно! Неужели вы не видите, что дама хочет отдохнуть.

Мужчина оказался огромного роста. Такие экземпляры гнут на арене цирка подковы и ради забавы публики таскают на собственной спине лошадей.

– Виноват-с, – попятился миллионщик к своему столу.

Неожиданно он зацепил рукой графин на соседнем столике, и водка, медленно растекаясь по полу, залила ковровую дорожку и ботинки недружелюбного господина. Глаза сидящих мгновенно обратились на него, умолкла даже скрипка старого цыгана, и Александров, преследуемый удивленными взглядами, удалился.

Но самое удивительное, что женщину из «Яра» он встретил на следующий день на Тверской. В этот раз на ней было белое длинное платье. Женщина улыбнулась ему, как старинному приятелю, и очень весело спросила:

– Боже, какими судьбами вы здесь?

Александров беспомощно завертел головой, как будто надеялся разглядеть поблизости двухметрового атлета, но ничего не увидел, кроме сияющего личика, терпеливо дожидаящегося от него ответа.

Найти подходящие слова было труднее всего. Ну как объяснить этому прелестному созданию, что он вчера был невероятно расстроен ее отказом и, чтобы хоть как-то утешиться, решил переночевать у своей старой знакомой – пресной хористки из церкви Святого Николая. Истосковавшая по мужским ласкам баба не желала расставаться с ним до самого полудня, и поэтому в данную минуту он чувствовал себя невероятно усталым.

– Так... прогуливаюсь. День сегодня чудесный.

– Какое совпадение, – весело произнесла барышня и, взяв его уверенно под руку, бойко продолжала: – Я тоже прогуливаюсь. А не пройтись ли нам вместе?

– Отчего же! Я буду только рад этому обстоятельству, – искренне произнес Александров, на мгновение позабыв об усталости.

– Вы на меня не обиделись в прошлый раз? Вчера вечером я просто была сама не своя. У меня было такое скверное настроение, вы даже представить себе не можете.

– Ну что вы, разве на вас можно обижаться, – как можно искреннее отозвался Петр Николаевич. – Вы само очарование.

– Спасибо, надеюсь, что я не разочарую вас, – мягко улыбнулась красавица, показав жемчужные зубки.

Весьма обнадеживающее продолжение знакомства.

– А вы шутница, – высказал смелое предположение Александров, покосившись на ее декольте. Удивительно, но кожа у нее была такой же белоснежной, как зубы.

Дама уверенно взяла его под руку, как если бы он был ее старый приятель, и неторопливо повела по мостовой. Александров боролся с искушением заглянуть за низкое декольте. Но глаза, как будто заколдованные, продолжали изучать каждый вершок ее тела.

– Куда мне до вас, – отмахнулась жеманница. – Вы ведь мне представились, а я так и не успела сказать вам свое имя.

– Извольте.

– Евдокия Мионовна Румянцева! – почти пропела его новая знакомая. – Из дворянок.

– Очень приятно, – слегка приподнял шляпу Петр Николаевич.

Он уже не чувствовал более усталости и готов был продолжить ночные забавы на новом витке фантазий.

– А может, мы закрепим наше знакомство и отправимся ко мне поужинать, Евдокия Мионовна? – очень честно посмотрел Александров на свою новую знакомую.

Барышня неожиданно остановилась, а потом печально произнесла, наморщив слегка курносый носик.

– Знаете, сегодня никак нельзя. Дело в том, что сейчас я спешу к тете. Она больна, и мне придется провести в ее обществе целый день. Давайте мы с вами вот что придумаем. – Евдокия Мионовна даже притронулась кончиками пальцев к его руке. И Александров почувствовал,

как по его телу пробежал легкий ток. – Встретимся с вами в «Яре», в это же самое время. Я буду вас ждать, – проговорила барышня. – Очень надеюсь, что вы не обманете моих ожиданий.

– Евдокия Мионовна, как бы мне не умереть от счастья, – воскликнул Александров.

– Ну уж вы постарайтесь, – кокетливо проговорила барышня, прикрыв глаза. – Сейчас мне надо идти. – Она освободила свою руку и произнесла с чувством: – Очень надеюсь, что вы на меня не сердитесь. – Она помахала пальчиками и, явно спеша, скрылась за ближайшим поворотом, оставив Александра в полнейшем недоумении.

Предстоящего вечера Петр Николаевич ждал с нетерпением. Он стал нервничать уже часа за три до встречи. Специально для предстоящего свидания он купил отличный английский костюм светло-серого цвета. Александров всегда считал, что в туалете джентльмена немало-важную деталь составляют носки. Кто знает, а не придется ли ему раздеваться сегодняшним вечером в присутствии дамы? И поэтому носки должны быть такими же свежими, как ветчина в Елисеевском магазине, и непременно ослепительно белого цвета, как простыня в канун первой брачной ночи. Еще очень важен запах, исходящий от мужчины. Петр Николаевич предпочитал терпкий, слегка горьковатый одеколон. Он считал, что подобный запах добавляет мужественности, а женщину подталкивает на откровенные поступки. Александров достал флакон одеколона «Максим», щедро попрыскал им лицо и шею, подумав немного, решил окропить торс: а вдруг мадемуазель надумает отыскать покой на его груди? Воткнул в накладной кармашек пиджака голубенький платочек и понял, что готов к встрече с Евдокией Мионовной.

До загородного ресторана «Яр» Петр Николаевич добрался быстро, щедро заплатив молодому разухабистому кучеру дополнительную полтину. Банкир очень беспокоился, что Евдокия Мионовна не явится, – всегда очень тяжело обманываться в ожиданиях, но когда он перешагнул порог «Яра», то понял, что опасения его были напрасными – Евдокия Мионовна пришла даже раньше его. В этот раз на барышне было темное приталенное платье, которое выгодно подчеркивало ее античную фигуру. Если бы Венеру Милосскую одеть в такое же платье, то наверняка она выглядела бы попроще. Единственное, что напоминало о предыдущем вечере, так это предлинная папироска, которую она небрежно держала между тонкими холеными пальцами.

Заметив Александра, она махнула ему ручкой со своего столика, и губы ее при этом тронула легкая, словно полет мотылька, улыбка.

– Вы заставляете себя ждать, – обидчиво произнесла Евдокия Мионовна, протянув грациозно для поцелуя руку.

– Помилуйте, я пришел на четыре минуты раньше, – слегка задержал ладонь в поцелуе Александров. Удивительное дело – пальцы барышни пахли ладаном.

– Знаете, я нахожусь здесь уже давно, и поэтому мне бы хотелось уехать.

– Когда? – не понял Петр Николаевич, присаживаясь рядом.

– Сейчас! – Сильным движением Евдокия Мионовна воткнула папиросу в пепельницу.

– Дорогая моя, но как же черная икра, шампанское?! – почти возмутился Петр Николаевич.

– Ах, какие пустяки, – поднялась со своего места Евдокия Мионовна. – Шампанское можно взять с собой.

– Сдаюсь, – поднял руки Александров. – Слово дамы для меня закон. Эй, человек! – поманил он пальцем официанта.

– Чего изволите? – подскочил молодец с прилизанными волосами и пробором по самой середине.

– Вот тебе две сотенные. Нам с собой нужно четыре бутылки шампанского, икорки, севрюжки, и балычок не забудь. Ну и прочего разного, по твоему усмотрению.

– Будет исполнено-с, – протянул официант, черкнув по блокноту карандашиком, – через пять минут. Куда вам доставить?

Александров вспомнил, что велел кучеру возвращаться не ранее чем через пару часов.

– Хм... вот что, любезнейший...

– Знаете что, – вступила в разговор девушка, – у самого входа стоит экипаж, запряженный вороным конем. Вы корзину, пожалуйста, туда поставьте. Я в этом экипаже прибыла сюда, на нем собираюсь и уезжать.

– Да, голубчик, так и сделайте, а вот это тебе на угощение, – поспешно согласился Петр Николаевич и сунул в ладонь официанту «синенькую». – Позвольте, – предложил он руку своей спутнице, и Евдокия бережно обхватила пальчиками его локоток.

В этот вечер в «Яре» были цыгане. Под жалобную тональность скрипки молодая цыганка Тома пела о таборе и о любви. Когда она вскидывала руки, то на ее запястьях обнаруживалось по три широких браслета. Тонкие изящные пальцы были унизаны благородным металлом с огромными камушками. На левом безымянном пальце красовался перстень с сочно-зеленым изумрудом. Александров подарил его цыганке Томе две недели назад, когда она посетила его холостяцкую квартиру, скрасив своим присутствием его ночное прозябание. Покидая зал, Петр Николаевич как бы невзначай обернулся, и ему показалось, что Тома заговорщицки подмигнула.

– Возьми, любезнейший, – протянул Петр Николаевич серебряный рубль стоявшему в дверях швейцару. – Купишь себе пахитосок.

– Благодарствую, ваше превосходительство, – низко поклонился швейцар, и широкая длинная борода даже коснулась пола.

Сунув в китель пожалованный рубль, он угодливо распахнул перед посетителями дверь:

– Захаживайте, Петр Николаевич, не забывайте нас.

– Непременно, голубчик.

Петр Николаевич подсадил в пролетку барышню, после чего уверенно взобрался сам.

– Куда вас, ваше сиятельство? – поинтересовался извозчик, крепкий старик лет шестидесяти с очень располагающей внешностью.

– На Тверскую, уважаемый, – ответил Петр Николаевич и, как бы нечаянно, коснулся ладонью коленей барышни.

– Как скажете, ваше сиятельство, можно и на Тверскую, – и, махнув легонько плеточкой, заставил вороного жеребца поспешать рысью.

В корзине мелко дзинькали бутылки с шампанским, настраивая Александра на веселый лад. Он успел отметить, что Евдокия Мироновна не отдернула ножку, когда он слегка коснулся рукой ее бедра.

Очень обнадеживающее начало!

Пролетка лихо летела по затемненной аллее – самое неприятное место на пути к шикарному «Яру». Недели две назад в «Русских ведомостях» сообщалось, что именно здесь недалеко от огромного двухсотлетнего дуба были ограблены и убиты двое сибирских промышленников. Позже Петр Николаевич подъезжал к тому месту, где было совершено смертоубийство, и признавал – не без холодного ужаса, мерзко прятавшегося под самой ложечкой, – что оно едва ли не самое страшное по всей Москве. В широкой кроне дерева свободно мог бы укрыться Соловей-разбойник, а за могучим стволом вполне достаточно места, чтобы спрятаться целой дюжине татей.

Такое неприятное место нужно проезжать, крепко сдавив рукой девичье колено. Александров уже потянулся к упругому бедру Евдокии Мироновны, как извозчик дернул поводья и закричал:

– Тпру, шалавые!

– В чем дело, любезнейший? – стараясь скрыть беспокойство, произнес Петр Николаевич.

– Колесо стучит, ваше сиятельство, – сошел на землю извозчик, – сейчас я погляжу, в чем дело, да дальше тронемся. А то ведь так и ось на дороге можно оставить, – со значением заявил старичок.

– Что же ты не сказал, любезнейший, – скрывая раздражение, произнес банкир. – Мы бы тогда другого подыскали.

– Эх, ваше сиятельство, колесо перекосило, не могли бы подсобить? – всплеснул руками извозчик, озабоченно поглядывая на колеса.

– Чего тебе нужно, голубчик?

– Да плечиком бы поднажать, а я тут колесо вправлю.

– Нет уж, милоч, мы другого извозчика подыщем. – Он сунул руку в карман и выудил из него гривенник. – Вот тебе, милейший, за труды.

– Как же вы до города добираться будете, ваше сиятельство? – неожиданно поинтересовался старик. – Место здесь глухое, а извозчики не останавливаются. А у меня поломка всего лишь на пять минут.

Теперь лицо старика не казалось ему располагающим. Обыкновенная разбойная физиономия из шайки Стеньки Разина.

– Это черт знает что! – выругался Александров.

Он неосторожно задел корзину с шампанским, и бутылки зловеще дзинькнули.

– Это вот здесь, барин. Гляньте сюда, – старик показал пальцем на колеса.

Петр Николаевич наклонился, проклиная себя за то, что приходится выступать в не совсем обычной для себя роли эксперта, и недовольно буркнул:

– Ну?

– Чуток правее, – пояснил извозчик.

Петр Николаевич слегка подвинулся. С коротким замахом извозчик стукнул банкира кулаком по затылку. Колени у Александрова подломились, и он упал в наезженную колею.

Извозчик согнулся, заглянул в лицо банкиру, после чего объявил Евдокии:

– Не дышит. Кажись, насмерть зашиб.

– Господи! – перекрестилась барышня. – Как же это ты так, Парамон? Ведь большой грех на свою душу взял.

Извозчик наклонился ниже, разорвал на груди у Петра Николаевича рубаху, так что во все стороны посыпали пуговицы, и, не скрывая вздоха облегчения, произнес:

– Живой... Ишь ты! А я-то думал, что за упокой его души свечу ставить придется. Ну и ладушки.

– Парамон Мироныч! – У самой колеи неловко топтались три босяка, повинно наклонив головы.

– Где вас черти носят? – насупился старик. – Сказано же было, дожидаться около старого тополя.

– Да мы тут, Парамон Мироныч, заплутали малость, – вяло оправдывался верзила с косматыми волосами.

– А я по вашей воле едва душегубцем не стал и Дуняшу на скверное дело подбил, – сурово покосился хозяин Хитрова рынка на босяка. – Вот прикажу на базарной площади выпороть, и будешь лежать с опущенными портами на позор... Пускай на твою задницу базарные девки полюбуются.

– Парамон Мироныч, – перепугался не на шутку верзила, – не выставляй на поругание!

– Ладно, – смиловился хозяин. – Мешок, надеюсь, приберегли?

– А как же, Парамон Мироныч, все как есть. – И уже с уважением, поглядывая на огромные кулаки старика, протянул: – Тяжелая у вас рука, Парамон Мироныч, как жажнул, так он

мурлом в глину. Зарылся, даже не охнув. А ну взялись! – прикрикнул Андрюша на стоявших рядом босяков. – Не корячиться же Парамону Миронычу. Взяли за руки да за ноги. Кажись, отходит, вон ногой задрыгал. Мы там, Парамон Мироныч, соломки заготовили, отнесем его. Ежели помрет, так землею присыплем.

– Ладно, ступай себе, – смиловился старик, – а мы с Дуняшей далее поедем.

Старик взобрался на передок и дернул вожжами:

– Пошла, родимая. Вези на Хитровку. Ты уж, Дуняша, не обессудь, что так получилось, но лучше тебя этого никто не сумел бы сделать.

Некоторое время пролетка, освещаемая уличными фонарями, была различима, а потом затерялась в густых сумерках совсем.

– Что делать-то будем? – посмотрел на Андрюшу хитрованец лет тридцати с огромными глазами.

– А что еще с ним делать-то? – очень искренне удивился Андрюша. – Придушим его да закопаем где-нибудь неподалеку. Парамон Мироныч не хотел свои руки паскудством марать, вот поэтому и нам передоверил. Он, как с каторги бежал, дал перед Господом зарок своими руками кровушки не лить и свечу на том Богородице поставил. Вот те крест!.. Ну давай, ребятки, оттащим его подальше от дороги, а то, часом, приметит кто. Ох и славненько, что хозяин меня помиловал, а то, глядишь, неделю не сесть мне с испортой задницей.

– Андрюша, а почто это вдруг хозяин банкира пожелал сгубить? – согнулся под тяжестью неподвижного тела лопухий разбойник.

Петра Николаевича оттащили в глубину аллеи. Андрюша вытащил из кармана обрывок веревки, попробовал его на крепость и отвечал равнодушным голосом:

– Из-за питомца своего беспокоится. Дорожит он им очень. Видать, наш банкир чем-то не угодил Савелию, вот он и решил самолично ему услужить. Душить-то приходилось? – посмотрел Андрюша на пучеглазого.

– Вот еще, – сконфузился тот малость.

– На вот тебе шнур, – Андрюша сунул в руки конец веревки. – Надо же тебе когда-нибудь учиться.

Глава 12

Уже в половине седьмого здание уголовной полиции в Малом Гнездиновском переулке было заполнено народом. Кроме надзирателей и чиновников здесь были околоточные, жандармы, городовые. Явилось даже несколько дворников, у которых на поясе демонстративно висел свисток, свидетельствующий о том, что и они не последняя спица в колесе. С важным видом они шастали между жандармами и, несмотря на внешнюю суровость, больше напоминали плотву, угодившую на нерест к щукам.

Никто не знал, для чего Аристов собрал у себя едва ли не всех городских Москвы.

– Господа, на днях должен прибыть великий князь, – уверенно строил предположение околоточный лет сорока. – У меня сейчас гостит троюродный племянш, он в камер-юнкерах в Петербурге служит. Так вот, он обмолвился, что его высочество должно быть. Со дня на день. Думаю, мы здесь для того, чтобы охрану ему обеспечить. А то в наше время всякое случается. Не приведи господи! – Он бегло перекрестился.

В такие дни высказывались самые невероятные предположения, и если бы кто-то сейчас заявил о том, что собрались они для того, чтобы господин Аристов сообщил им о начале военной кампании в Крыму, то каждый из присутствующих встретил бы слушок с должным пониманием.

– Господа, здесь совсем иное, – объяснял надзиратель лет тридцати со светлой макушкой на самой середине. – Пришел циркуляр о том, что в Москве появилась группа мошенников, выдающих себя за членов императорского дома. Они сумели втереться в доверие к болгарскому царю и выкрали из его сокровищницы корону. А один из них, поговаривают, был даже любовником шведской королевы!

– Ну это вы загнули, батенька, – возразил околоточный. – Она же старуха. Это каким надо быть бесчувственным, чтобы на старушку позариться.

– Здесь вы не правы, – почти обиделся надзиратель. – Женщина она в теле, а потом...

– Господа! – раздался громкий голос Ксенофонтова. – Григорий Васильевич вас всех просит к себе.

Разговоры умолкли, и собравшиеся, словно прочувствовавшись моментом, направились в кабинет Аристова. Некоторые впервые попали к генералу на прием, а потому порог его кабинета перешагивали с особым трепетом.

– Прошу вас, господа, рассаживайтесь, – великодушно махнул генерал на длинный стол, укрытый зеленым сукном. И после того как все расселись, Аристов заговорил вновь: – Господа, вы, очевидно, уже знаете, что ночью был убит банкир Александров. Мне совершенно точно известно, что на Хитровке имеются притоны, где продается краденое. И представьте себе, господа, именно там обнаружались предметы и драгоценности, которые были похищены в сейфах за последние полгода. И я совершенно не исключаю, что медвежатник, которого мы столь долго разыскиваем, находится именно там. – Григорий Васильевич сделал паузу, прошелся взглядом по напряженным лицам присутствующих и добавил: – Во всяком случае, вам нужно будет всегда помнить об этом. А теперь о самом главном, для чего я вас позвал... Этой ночью мы с вами произведем облаву на Хитров рынок. Разумеется, наших сил будет недостаточно, и поэтому я попросил у градоначальника помощи. Он обещал выделить нам тысячу человек городских. – Генерал посмотрел на часы. – Через полчаса они будут здесь. А поэтому, господа, никто из вас до двенадцати часов не должен выходить из этого здания. Конечно, вам я доверяю полностью, но мне бы хотелось исключить любую случайность. А теперь давайте, господа, обсудим детали. Руководить предстоящей операцией я назначаю... – Аристов сделал небольшую паузу, заставив обратить на себя взгляды всех присутствующих.

Надзиратели смотрели с нескрываемым ожиданием. Кто действительно не проявлял к происходящему интереса, так это околоточные. Как правило, это были или безусые юнцы, которым невозможно было доверить солидного дела, или степенные дядьки, обремененные горластыми домочадцами. Очередное ночное бдение каждый из них воспринимал как пилюлю в собственной судьбе и желал только одного – не попадаться на глаза начальству.

– ...назначаю господина Ксенофонтова.

Влас Всеволодович поднялся и слегка наклонил голову. Его пухлые щеки чуть порозовели. В этот раз ему предстоит руководить, а значит, не придется носиться по улицам со свистком в кармане. Приятно, черт возьми!

– Слушаюсь, ваше сиятельство.

– Вы все хорошо знаете господина Ксенофонтова, и поэтому представлять его нет особой нужды. Так вот, наша главная задача – окружить Хитров рынок и не выпускать оттуда никого до окончания операции. Особое внимание нужно будет обратить на кулаковские дома. По нашим агентурным данным и по прошлым облавам можно судить, что именно там находятся организаторы преступлений. Особое внимание нужно обратить на хозяев ночлежных домов: частенько обитатели ночлежек за постой расплачиваются крадеными вещами. Допросить нужно будет всех. Безо всякого исключения. Среди обитателей ночлежек могут находиться преступные элементы. Следите за тем, чтобы все двери комнат были распахнуты. Если кто будет сопротивляться, хватайте и доставляйте в полицейский участок.

Молодые околоточные смотрели на генерала Аристова с трудно скрываемым обожанием. Для них в эту минуту он представлялся фельдмаршалом, наставляющим своих бойцов на решающее сражение. Каждый из них был наслышан о некоторых грешках начальника, но при всем этом дело свое он знал преотлично. Григорий Васильевич не брезговал лично появляться в ночлежных углах и частенько сам проводил допросы наиболее подозрительных субъектов.

– Советую всем быть крайне осмотрительными, – слегка повысил голос генерал. – Среди них могут быть самые непредсказуемые натуры. Они могут палить из револьверов, могут броситься на вас с ножом, и поэтому я допускаю применение оружия, – со значением посмотрел он на Ксенофонтова, как будто разглядел в нем страстного стрелка. – Всех, кто внушает хоть какое-то малейшее опасение, следует отводить в полицейский участок. А тех, у кого не имеется документов, нужно будет поместить в приемник-распределитель, позднее ими следует заняться более тщательно. У меня имеется предчувствие, господа: сегодня нас ожидает очень неплохой улов. – Аристов посмотрел на часы, а потом добавил: – Еще вот что, вам составят компанию несколько репортеров, которые будут подробнейшим образом освещать события. Так что, господа, предоставьте им пищу для публикаций.

– Сделаем все, что сможем, ваше сиятельство! – отозвался со своего места Ксенофонтов на правах старшего.

– А теперь, господа, – Аристов сделал паузу, – позвольте откланяться, мне нужно ехать на встречу с градоначальником.

Он еще раз выразительно посмотрел на часы, всем своим видом давая понять, что даже в любой час дня или ночи у него могут быть важные государственные дела, и бодрым шагом направился к выходу.

У самого здания его поджидала отличная пара с пристяжной. В его распоряжении имелся автомобиль «Мерседес-Бенц». Но беда в том, что авто ломалось в самое неподходящее время. Не далее как на прошлой неделе в поздний вечер Аристов навестил одну красивую мешанку, проживавшую за Крестовой заставой. Возможно, он остался бы у нее до самого утра, а уже от нее направился бы прямо на службу. Но на Большой Дмитровке намечалась нешуточная карточная игра, которая заставила генерала по ускоренной программе сделать все то, на что ранее он отводил почти целую ночь. «Мерседес» не проехал и полутора километров, как правое колесо заскочило в какую-то яму, до самого верха наполненную жидкой грязью. И

генералу ничего более не оставалось, как задрать штанины до самых колен и ожидать, пока шофер вывезет авто из ямы. Но даже после этого автомобиль отказывался ехать. Он урчал, как дикий потревоженный зверь, чихал, словно простуженный больной, и даже фыркал, всем своим видом давая понять, что его место в сокольнической больнице, но уж никак не на затемненных улицах Москвы, и, вконец сдавшись, Аристов оставил шофера сторожить машину, а сам отправился пешком.

Иное дело лошадки, задерут хвост трубой и за считанные минуты доставят тебя в любой конец Москвы.

– Не пьян ли ты, Яшка? – на всякий случай поинтересовался Григорий Васильевич.

– Да как же можно, ваше сиятельство! – искренне завоmuщался парень. – Вот вчера было дело... Но на то и причина была. У моей крали день ангела случился. Ну, сами понимаете, ваше сиятельство, там, где одна рюмка, там и другая, а тут уже и третья подходит. Но сегодня – ни-ни. Это точно! Я ведь понимаю, служба у нас на первом месте.

– Ишь ты какой сознательный, – Аристов плюхнулся на мягкое сиденье.

– Куда мы в этот раз, ваше сиятельство? К мадемуазель Натали, в номера или...

– Послушай, голубчик, а не слишком ли ты много себе позволяешь? – повысил голос генерал.

Кучер, оставаясь при генерале, невольно был поверенным многих его личных секретов. Яшка Гурьев знал наперечет всех женщин, к которым генерал заезживал «на часок». Генералу достаточно было назвать район, и кучер лихо подвозил его к нужному дому, мощным оперным басом заставляя разбегаться во все стороны медлительных прохожих. Даже извозчики спешили свернуть в близлежащие переулки, когда издалека видели его огромную, почти демоническую фигуру, расхристанную до самого пупа. Кучер Яшка был воплощением русской красоты: косая сажень в плечах, роста тоже немало – под стать былинным богатырям, а когда тряс кудрями, так девки охали от восхищения. Яшка благоволил и хорошеньким горничным, и молодым вдовам. Не однажды тайные пассии господина Аристова делали ему многозначительные знаки, и он немедленно пользовался их приглашением.

Немало приятных минут ему доставила и мадемуазель Натали, выписанная князем Трубецким из Саратовской губернии в качестве гувернантки для малолетних детей.

– Ваше сиятельство, да разве я бы посмел! – очень искренне оскорбился Яшка, вспомнив при этом номера «Эрмитажа», где они весело, в смежных номерах, проводили времечко с молодыми кокотками. – Так куда же мы сейчас поспешаем?

– Знаешь что, любезнейший, давай тронемся к дому князя Гагарина. У меня там имеется кое-какое неспешное дельце.

– Будет сделано, ваше сиятельство! – с серьезностью в голосе отвечивал Яшка.

Все дела Григория Васильевича Яшка знал наперечет. Первое – это вдоволь поиграть в карты, и второе – при случае соблазнить хозяйку дома. В особняк князя Гагарина Григорий Аристов заявлялся для того и для другого. И Яшка втихомолку завидовал успеху Григория Васильевича у полногрудой хозяйки дома.

Через полчаса пара с пристяжной лихо подкатила к парадному крыльцу особняка Гагариных. Лошади хрипели от быстрого бега и возбужденно стучали коваными копытами по темно-зеленому брусчатнику.

В дверях появился лакей с длинной курчавой бородой. Его можно было бы принять за генерала – тот же суровый взгляд, те же величественные движения, даже голос – басовитый и величественный, словно клочотание разбуженного вулкана. Но, заметив сошедшего на брусчатку Аристова, он рассыпался в любезностях.

– Ваше сиятельство, как мы рады несказанно! Княгиня все о вас спрашивала, а я, свет-батюшка, не знаю, что и отвечать. Обещались второго дня быть, а вас все нет.

– Дела, знаешь ли, голубчик, я ведь на государственной службе. А начальство за ротозейство строго спрашивает. – Григорий Васильевич бодро поднялся на высокое крыльцо.

Швейцар широко распахнул перед ним дверь, и генерал важно вошел в залитую светом гостиную.

Анну Викторовну Аристов увидел перед огромным зеркалом. Она была в белом длинном бальном платье.

Княгиня обернулась.

– Боже мой, как я рада вас видеть, – протянула она руку для поцелуя. – Признайтесь откровенно, что вы явились сюда не из-за меня, а ради карт.

Григорий Васильевич галантно наклонил голову, пощекотав запястье княгини ухоженной бородкой, и притронулся губами к ее пальцам.

– Анна Викторовна, вы меня обижаете. Как вы могли подумать такое!

– Да полно вам, – отмахнулась княгиня. – Раздариваете комплименты, а сами в это время думаете о покере. Знаю я вас, мужчин, – бережно взяла она его под руку. – Вот лучше скажите, почему так долго не приходили к нам? Не бываете даже в приемные дни! – Княгиня озорно посмотрела на слегка посуровевшее чело государственного чиновника. – Почему вас не было в прошлую пятницу?

На лице Аристова отобразилась работа мысли. Следовало что-то срочно придумать. Подчас княгиня поражала его своей прозорливостью. Из нее получился бы очень неплохой агент, тем более что в ее салоне любила бывать едва ли не вся высшая знать Белокаменной. Но кто знает этих аристократов, предложишь ей подобное и можешь потерять в перспективе перво-классную любовницу. Она ведь и обидеться может.

Дело в том, что в прошлую пятницу Аристов действительно был занят. До самого вечера он просидел в департаменте, а ближе к девяти часам съехал на конспиративную квартиру, где встретился с секретным агентом – молодым тенором цыганского хора Алякринского. Тенор проживал в дешевой гостинице на окраине, где любили останавливаться молодые офицеры и холостяки, прибывавшие в Москву для увеселений. Благо что половина номеров была заполнена третьесортными артисточками, падкими на дармовое шампанское, да мешаночками, мечтавшими встретить в гостиничных коридорах какого-нибудь сибирского промышленника.

Секретный агент проживал в этой гостинице уже третий год. В его обязанность входило наблюдать за всеми подозрительными личностями, что порой объявлялись в гостинице. Два раза в неделю он должен был докладывать обо всем, что увидел и услышал. Молодой тенор был изрядным мерзавцем и за свои услуги требовал хорошие гонорары. Правда, с его помощью удалось обнаружить десятка полтора убийц, объявленных в розыск.

– Помилуйте, Анна Викторовна, – делано взмолился Аристов. – Не казните так строго! У меня же служба. И в тот день я действительно был очень занят.

– Ох, полноте, Григорий Васильевич, знаю я вас, – строго погрозила пальчиком княгиня. – Все ссылаетесь на занятость, а сами, наверное, заводите романы с девушками. Рассказываете им о своей работе!

– Анна Викторовна, разве современным барышням интересно слушать о полицейских делах? Они сейчас все больше грезят политикой. А у нас, знаете ли, грязь!

Григорий Васильевич посмотрел на камердинера, который каменной статуей застыл у широкой мраморной лестницы. Он был доверенным княгини. Анна Викторовна выписала дядьку из родового имения, как человека преданного и абсолютно надежного. Под взором его внимательных глаз прошла большая часть жизни княгини. Наверняка он был поведен и в последнюю сердечную привязанность своей подростковой любимицы.

Камердинер не отвел взгляда, когда Аристов принялся разглядывать его почти в упор. Он лишь слегка наклонил голову, приветствуя гостя, и у начальника московского уголовного

розыска не оставалось более никаких сомнений в том, какое милое приключение произошло между ним и хозяйшкой за толстыми непроницаемыми портьерами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.